АНГЛИЙСКИЙ КЛОН

СОЛДАТ УДАЧИ

65=

№ 6 (129) июнь 2005

«МИССИЯ» В АЛЖИРЕ

ОШИБКИ КОМАНДАНТЕ

ЧУДО-БОГАТЫРЬ ПРОТИВ ПИНДОСА

ИНДЕКС 26319
ИНДЕКС 71223

СОЛДАТ УДАЧИ
ЖУРНАЛ ДЛЯ СИЛЬНЫХ И ЖЕСТКИХ МУЖЧИН

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нонна ПЕЙКРИШВИЛИ
Отдел распространения Олег УТИКЕЕВ, Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(095) 958-1699,
(095) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
http://www.soldatudachi.ru
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Солдат удачи» (Россия)

Подписано в печать 12. 05. 05

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № 77 - 5801 от 20. 11. 2000

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати
26319 по Объединенному каталогу (адресная подписка)

Допечатный процесс:
Дизайн и верстка Елена АЙОЛ

Отпечатано в типографии
ИПП «Кострома»
Заказ №3435
Тираж 42 тыс. экз. 1-й завод - 21 тыс.

Михаил ЕФИМОВ

Тайна начала войны

Когда приходит июнь и наступает день 22-й, вспоминаем войну. В этот день началась Великая Отечественная, фашисты напали на Советский Союз.

Всегда тайны начала войны волновали людей: как все это было, почему мы оказались не готовы к первому удару? Казалось бы, этому посвящены тома исследований, и все-таки интерес с годами не ослабевает. Нам просто хотелось бы вспомнить тот год, то день, когда «22 июня, ровно в четыре часа...» И особенно дни и месяцы накануне.

А накануне Советский Союз попал, надо прямо сказать, в непростую международную ситуацию. Англия и Франция проводили «политику умиротворения». Германия обещала не нападать на них, и это оформили соответствующей Мюнхенской декларацией.

Гитлер не заставил себя ждать – в марте 1939 года была провозглашена «независимость Словакии», и она сразу же обратилась за помощью к Германии, а уже 15 марта немецкие солдаты маршировали по улицам Праги.

Еще через неделю Германия отторгла от Литвы Мемель (Клайпеду).

Словом, к лету 1939 года Советский Союз оказался, по сути, один на один с Гитлером. Польша занимала антисоветскую позицию, Чехословакия лишилась Судетской области и перестала существовать как самостоятельное государство. Союз с Францией потерял силу. Пал Мадрид, и война испанского народа закончилась поражением.

Англо-франко-советские переговоры закончились неудачей. В свою очередь, англичане вели закулисные переговоры с Гитлером.

На Востоке тоже было не все ладно. Разразился серьезный конфликт с Японией.

Думается, в этой ситуации у СССР было только два выхода – либо подписать с Германией пакт о ненападении и, возможно, тем самым исключить сотрудничество Гитлера с Англией и Францией, либо остаться в полной изоляции лицом к лицу с сильным фашистским государством.

Сталин, как известно, выбрал первое. Что это дало Советскому Союзу? Не был создан пакт Германии с Англией и Францией, направленный против СССР; нашу оборону удалось отодвинуть на Запад от старых границ страны; было выиграно время для подготовки к предстоящей войне, и наконец ликвидирована угроза нападения Японии.

Однако 22 июня 1941 года Гитлер ударил по СССР. Теперь нередко исследователи, историки задаются вопросом: где была разведка? Почему не докладывала? Докладывала. И регулярно. Но вот что докладывала, это самое интересное. А доклады, откровенно говоря, были разные, порою взаимоисключающие.

29 декабря 1940 года Ильза Штебе («Альта»), агент военной разведки, сообщает, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. 4 января 1941 года «Альта» подтвердила эту информацию.

9 мая советский атташе в Югославии доносит, что Германия отказалась от атаки на Англию, главная задача – удар по СССР.

16 июня начальник Разведупра Голиков доложил, что, по данным агентов, война начнется 22 июня.

В то же время приходили и другие сведения. Агент «Старшина» Харро Шульце-Бойзен 1 марта 1941 года сообщил резиденту НКВД в Берлине: «Началу военных действий должен предшествовать ультиматум СССР с предложением присоединиться к Пакту трех».

5 мая агент НКВД «Корсиканец» докладывает, что концентрация немецких войск на границе – это «война нервов», чтобы принудить Советский Союз вступить в войну с Англией.

Вот такие доклады разведок. Иное дело, что в том и заключается мудрость руководителя страны, дабы, основываясь на всех этих данных, принять единственно верное решение.

Увы, как показывает история, Сталину это сделать не удалось.

Потом он скажет: «Просто напали подло, как разбойники...»

С тех пор прошло 64 года. Думаю, на Земле не перевелись разбойники подобного рода. Не стоит об этом забывать.

Издается с октября 1994 года
СОЛДАТ УДАЧИ
№ 6 (129) июнь 2005

в номере:

Вполне достаточно завести взрыватель под рельс или шпалу и вывинчивать стержень, пока он не упрется. При нажиме на стержень он передает давление на крышку. Крышка, сжимая спиральные пружины, опускается и выводит скобу из паза в ударнике. Ударник высвобождается и наносит удар по капсюлю. Такая конструкция механического взрывателя обеспечивает простоту и быстроту установки, необходимые в рискованных операциях минирования охраняемых путей сообщения.

Начинается формирование УМБ с миру по нитке. Ни от кого из командования полка или из управления батальонов никакой помощи, естественно, не было. Даже наоборот. Отношение к сборам было такое, как будто снайперов готовят не для полка, а для незаконных вооруженных формирований. Помогали только женщины из библиотеки – похоже, единственные, кто искренне переживал за боеготовность части. Единственное учебное пособие, которое удалось найти, – Наставление по стрелковому делу (НСД) по АК и ПК.

Возле нашего блокпоста находился винзавод. Он был заброшен, и мы не сразу догадались о находящемся там сокровище. Обнаружено оно было совершенно случайно. В тот благословенный день наши ребята поехали на БМП и танке за дровами. Возглавил «дровосеков» лично замкомбата. Вернувшись, они кроме дров привезли множество десятилитровых банок, наполненных каким-то напитком. В некоторых был сок, поэтому-то замкомбата и привез их – он думал, что в остальных банках то же самое...

Ильин с бойцами вошли в заданный район. Они осмотрели участок местности, закрепились на господствующих высотах. Хотя спрогнозировать было крайне сложно, каким маршрутом пойдут бандиты.
И тем не менее интуиция Олега не подвела. Террористы вышли прямо на него. Ночью в тумане их удалось обнаружить заранее. Передвигались они осторожно, грамотно, впереди – головной дозор. Боевики головного дозора по тропе на высоту не пошли.

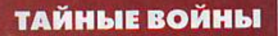
И все же, если говорить о доблести американцев, следует вспомнить достаточно известный пример, когда дорогу танковой дивизии перегородили 200 иракских ополченцев с автоматами. В принципе американцы могли, не сбавляя скорости, раздавить их гусеницами. Вместо этого они вызвали авиацию и артиллерию. Счет по потерям, если не ошибаюсь, был 186:0, однако американцы провозились там 8(!) часов.

Журнал тех, чья работа – защищать

Фото Сергея СИДОРОВА

МИННОЕ ОРУЖИЕ

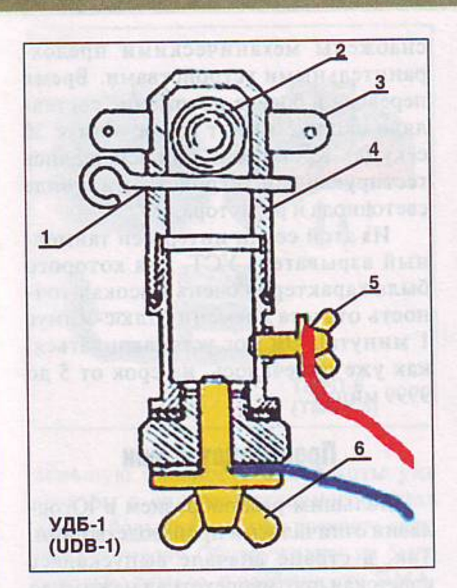
Олег ВАЛЕЦКИЙ
Иллюстрации из архива автора

(Окончание. Начало в № 5)

Книга боевого опыта

Надо заметить, что ряд современных кассетных суббоеприпасов, например, американские BLU-36/B, BLU-59/B, немецкая осколочная мина MUSA, французский суббоеприпас GR-66IZ оснащены электронными механизмами длительного замедления. Однако авиабомбы с немецкими взрывателями времен Второй мировой войны довольно широко применялись арабской авиацией в арабо-израильских войнах, что приводило к заметным потерям среди израильских саперов. Впрочем, и в Израиле был создан схожий боеприпас – минометная мина «Coral» с механизмом длительного замедления. Касаясь темы механизмов неизвлекаемости, стоит рассмотреть конструкцию одного югославского диверсионного взрывателя УДБ-1.

Этот взрыватель электрический и работает с элементом питания 4,5 вольта, присоединенным к двум контактам (5 и 6) через электродетонатор. В верхней части взрывателя с помощью вытяжной чеки (1) удерживается металлический шарик (2). При выдергивании чеки шарик падает вниз и замыкает контакты. Этот взрыватель можно также использовать и как инерционный, и как наклонный. В этом случае взрыватель располагается под небольшим углом и чека выдергива-

УДБ-1
(UDB-1)

ется заблаговременно. При изменении положения взрывателя или при его резком смещении шарик прокатывается внутри его и замыкает контакты.

Подобная схема неизвлекаемости и необезвреживаемости в настоящее время является одной из самых популярных. Достаточно привести в качестве примеров советские мины – противопехотную ПМН-3 и мины-ловушки МС-4, МЗУ-2 и МЗД-21, китайские противопехотные нажимные мины Т-72В и «модель 1989» (западное обозначение), электронную версию восточно-германской нажимной мины PPM-2 – американскую противопехотную мину BLU-92/B, имеющие шариковые замыкатели. Есть схожий вариант механизма неизвлекаемости, применяемый в некоторых итальянских минах.

Например, противопехотная нажимная мина VS-50 EO3 оснащена ртутным, а не шариковым замыкателем, однако такая схема применяется гораздо реже.

Современные механические и терочные взрыватели могут совсем не иметь в своем составе металла и быть высокостойкими к внешним воздействиям. Как пример можно привести югославский электромеханический взрыватель ЭМУ-1 для противопоездных мин.

Этот взрыватель имеет стержень с навинченной на него регулировочной втулкой. Сам стержень в корпусе взрывателя опирается с помощью пластины на пружину, которая в свою очередь входит во внутреннюю втулку, под которой есть предохранительная пружина. В предохранительную пружину снизу упирается контактное веретено с двумя контактными шайбами (верхней и нижней). Между шайбами есть контактный выступ, который находится в незамкнутом состоянии. С помощью регулировочной втулки устанавливается такое положение стержня, упирающегося в подошву рельса, при котором контакты оказываются разомкнутыми, что определяется по контрольной лампочке, которая должна погаснуть, если регулировка выполнена верно. При снятии нагрузки со взрывателя или, наоборот, при нажиме на него (в зависимости от установленного режима работы) он замыкает контакты, выдавая команду на взрыв. Сам по себе этот взрыватель достаточно современен и может использоваться в комбинации с часовым механизмом, который разрешит замыкание огневой цепи только по истечении заданного промежутка времени.

Однако надо отметить, что создатели взрывателя чрезмерно его усложнили. Использовать ЭМУ-1 в качестве разгрузочного в силу громоздкости и сложности его подготовки редко может быть осуществлено без дополнительных самодельных приспособлений. К тому же и элемент питания не может длительное время оставаться в рабочем состоянии из-за значительного тока саморазрядки. Большие размеры ЭМУ-1 делают проблемной установку его под рельс: процесс занимает много времени, так как требуется удалить значительное количество щебня. Куда проще и надежнее советский механический нажимной противопоездной взрыватель времен Второй мировой войны ПВ-42 или его английский аналог 5 MkI.

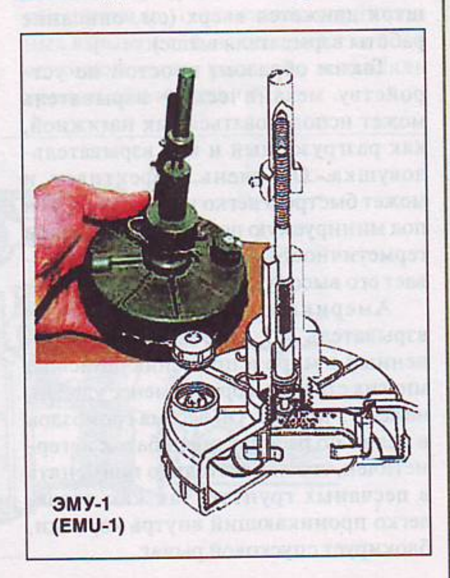
Оба они имеют регулируемый по высоте нажимной стержень, работающий только на нажим. Вполне достаточно завести взрыватель под рельс или шпалу и вывинчивать стержень, пока он не упрется. При нажиме на стержень, он передает давление на крышку. Крышка, сжимая спиральные пружины, опускается и выводит скобу из паза в ударнике. Ударник высвобождается и наносит удар по капсюлю. Такая конструкция механического взрывателя обеспечивает простоту и быстроту установки, необходимые в рискованных операциях минирования охраняемых путей сообщения.

Нельзя забывать и о нервном напряжении, испытываемом сапером, его стремлении как можно быстрее оставить опасную железнодорожную насыпь. Вряд ли он сможет хладнокровно, просунув мину в узкое место ее установки, вертеть стержень то в одну, то в другую сторону, добиваясь погасания контрольной лампочки. А с механическим взрывателем все просто – верти стержень, пока вертится. Остановился – значит, он в нужном положении.

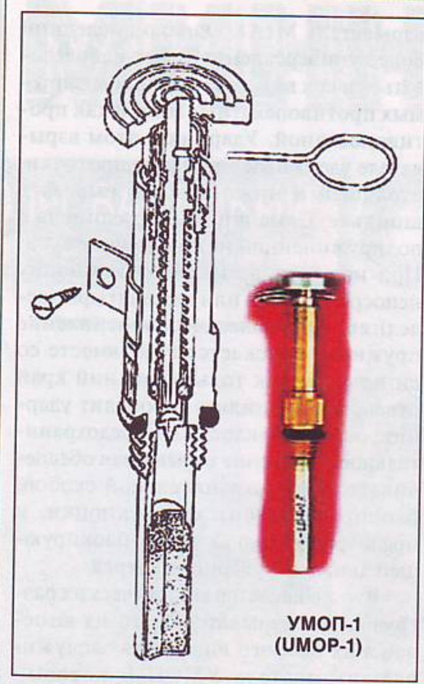
Несколько схожую конструкцию имеет и американский механический взрыватель M1A1. Однако последний более универсален и может использоваться и как взрыватель импровизируемых противопехотных мин, и как противопоездной. Ударник в этом взрывателе удерживается за счет проточки, входящей в нижний край выреза в шпильке. Сама шпилька соединена с подпружиненной нажимной кнопкой. При нажатии на нажимную кнопку непосредственно или через штырь последняя, преодолевая сопротивление пружины, опускается вниз вместе со шпилькой. Как только нижний край отверстия в шпильке освободит ударник, он бьет по капсюлю. Предохранительное положение взрывателя обеспечивается предохранительной скобой, блокирующей опускание кнопки, и предохранительной чекой, блокирующей движение ударника вперед.

Что же касается механических разгрузочных взрывателей, то из югославских особого внимания заслуживает взрыватель УМОП-1, который мог использоваться и как натяжной, если на него не устанавливать груз. Конструкция этого взрывателя проста: в металлическом корпусе имеется шток, входящий в подпружиненную втулку с ударником. Движение втулки блокируется двумя предохранительными шариками, входящими в отверстия втулки. Шток препятствует выкатыванию шариков внутрь втулки. На шток сверху накручена разгрузочная крышка, и сквозь шток проходит предохранительная чека. В предохранительном положении шток удерживается за счет предохранительной чеки. При работе в качестве взрывателя разгрузочного действия на разгрузочную крышку уложен груз, а предохранительная чека удалена.

При снятии груза освободившийся шток под действием своей пружины под-

ЭМУ-1
(EMU-1)

УМОП-1
(UMOP-1)

нимается вверх и разблокирует шарики. Те в свою очередь выкатываются внутрь втулки, разблокируя ее, и втулка под действием боевой пружины бьет по капсюлю. При работе в качестве элемента неизвлекаемости противотанковых мин взрыватель вкручивается в донное гнездо мины разгрузочной крышкой вниз. В этом случае крышка упирается в грунт под миной, а сама мина служит в качестве груза. При попытке поднять мину УМОП-1 срабатывает точно так же, как и в предыдущем случае.

Если же взрыватель вкрутить в противопехотную мину в качестве взрывателя натяжного действия, то разгрузочная крышка оставляется свободной, а предохранительная чека используется в качестве боевой чеки натяжного действия. При выдергивании чеки ничем не удерживаемый шток движется вверх (см. описание работы взрывателя выше).

Таким образом, простой по устройству механический взрыватель может использоваться как натяжной, как разгрузочный и как взрыватель-ловушка. Он очень эффективен и может быстро и легко устанавливаться под минируемую поверхность, причем герметичность взрывателя обеспечивает его высокую надежность.

Американский разгрузочный взрыватель М5, широко распространенный в мире и применяющийся во многих странах, гораздо менее удобен, нежели УМОП-1. Он весьма громоздок и велик по размеру, и вдобавок негерметичен, его нежелательно применять в песчаных грунтах, так как песок, легко проникающий внутрь коробки, блокирует спусковой рычаг.

Помимо простых механических диверсионных взрывателей, в бывшей Югославии было разработано несколько образцов радиовзрывателей и взрывателей, приводившихся в действие с помощью лазерных излучателей. Особенно важную роль в засадных действиях могли сыграть лазерные взрыватели. Они в отличие от радиовзрывателей и прочих самодельных радиоустройств (электродетонаторов, подключенных к переносным радиостанциям, мобильным телефонам или пейджерам) не поддавались глушению.

Дальность действия югославского лазерного взрывателя ЛУВ составляла 1-1,5 км, то есть на этом расстоянии передатчик надежно приводил в действие исполнительный прибор. Состоял взрыватель ЛУВ из передающего и принимающего устройств. Передающее устройство общим весом 2,9 кг состояло из лазерного излучателя, спаренного с оптическим прицелом, источника питания (аккумулятор 9 вольт) и кодирующего устройства. Последнее позволяло выбрать четыре линии управления, что осуществлялось поворотом ручки в одно из четырех положений (A, B, C, D). Принимающее устройство весом 1,9 кг имело два прицела, фильтр для приема лазерного луча, клеммы для подключения электродетонатора, источник питания (9 вольт) и декодирующее устройство, аналогичное кодирующему.

При подготовке этой системы необходимо было на кодирующем и декодирующем устройствах поворотом ручек выбрать одинаковые каналы связи. Аккумуляторы обеспечивали до 500 включений лазерного луча по 10 секунд каждое при общей непрерывной работе 20 часов. При падении напряжения до 8,2 вольта было необходимо заменить источник питания. Приемное устройство включалось снятием предохранителя (нажать, повернуть на 90 градусов и вытащить). Работало оно также около 20 часов, но параллельное подключение дополнительных или просто более мощных батарей могло увеличивать срок работы.

Достаточно современными взрывателями югославской армии были специальные электронные взрыватели серии УС (УСИ-Т – сила инерции 1-3 м/сек или нагиб до 30 градусов; УСС-Т, реагировавший на свет больше 7 люкс; УСТ-Т – на тепло выше 70°С; УСТ – на замедление от 5 до 9999 минут; УСВ-Т – на вибрацию; УЕПж – на натяжение; УСА-Т – акустический). Они имели в среднем вес около 300 граммов. Эти взрыватели оснащались источниками питания 9 вольт и были снабжены механическими предохранительными устройствами. Время перевода в боевое положение составляло около 5 минут (плюс-минус 30 секунд). Кроме того, они оснащались тестирующими устройствами в виде светодиода и резистора.

Из этой серии интересен таймерный взрыватель УСТ, для которого была характерна очень высокая точность отсчета времени (плюс-минус 1 минута). Он мог устанавливаться, как уже отмечалось, на срок от 5 до 9999 минут.

Производство мин

Большим разнообразием в Югославии отличалось и производство мин. Так, в стране вначале выпускалась советская противопехотная нажимная мина ПМД-6 с механическим взрывателем МУВ, названная ПМА-1, со взрывателем УМП-1 соответственно, но затем началось производство схожей мины ПМА-1А, но с пластиковым корпусом и химическим взрывателем УПМАХ-1. Эта мина, однако, показала свою недолговечность, поскольку быстро отсыревала в земле, и потому было начато производство противопехотных нажимных мин собственной разработки ПМА-2 с химическим нажимным взрывателем УПМАХ-2 и ПМА-3 с химическим взрывателем УПМАХ-3.

Эти три вида мин широко применялись в ходе войны и назывались соответственно: «сапуница» (мыльница), «паштета» (паштетная консерва) и «жаба» (из-за своей способности выдерживать влагу до 6 месяцев и возможности установки под водой). Так, хорваты в 1991–1992 годах отправляли мины ПМА-3 по течению Дуная в Сербию.

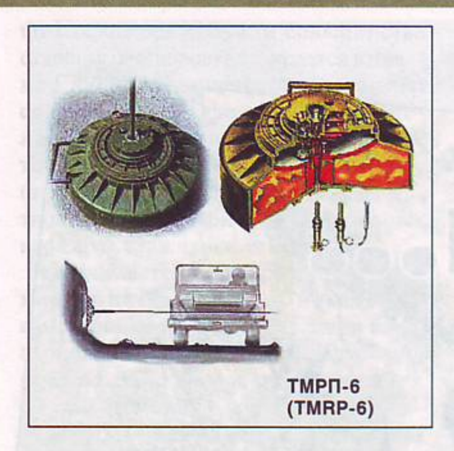
Эти мины, имея заряды ВВ соответственно 200 граммов прессованного тротила, 70 граммов прессованного тротила с дополнительным детонатором (2 грамма тетрила), 35 граммов прессованного тротила представляли

ПМР-2 (PMR-2)

ПМР-3 (PMR-3)

ПМР-2 АС (PMR-2 AS)

ТМРП-6
(TMRP-6)

большую опасность для пехоты уже хотя бы в силу естественного страха людей, больше боящихся потерять ногу, нежели голову. Обнаруживать их было довольно тяжело, в особенности ПМА-3. Для этого подходили лишь современные западные миноискатели MD-8 и Ebinger, но и они справлялись с обнаружением мин с трудом в силу большого количества металла, находившегося в земле, нередко насыщенной к тому же железной рудой. Югославская армия на вооружении имела мало современных миноискателей, и в войсках их не хватало, а старые модели с задачами по поиску новых образцов мин не справлялись.

Еще одной большой опасностью для пехоты были осколочные мины с механическими взрывателями натяжного действия ПМР-2 (по типу советской ПОМЗ, но с зарядом 100 граммов прессованного тротила и механическим взрывателем УПМР-2 или с модификацией такого же взрывателя – УПМР-2АС, имевшего и вторую ударную иглу, способную приводить в действие сигнальный патрон наверху) и ПМР-3 уже югославской разработки с зарядом 400 граммов литого тротила с дополнительным детонатором в 13 граммов тетрила при натяжно-нажимном взрывателе УПМР-3, позволявшем установку не одной, как на ПМР-2, а шести натяжных проволок по окружности, каждая из которых имела длину 16 метров.

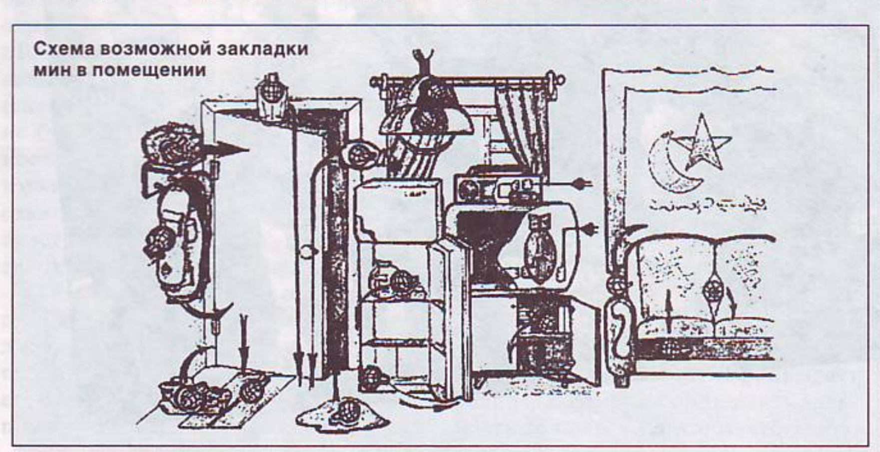
Более опасной была выпрыгивающая осколочная мина ПРОМ-1, обладавшая зарядом в 425 граммов либо литого тротила у старых типов, либо гексотола – у новых, при трех дополнительных детонаторах из тетрила. Мина имела взрыватель УПРОМ-1. При натяжении проволоки или нажиме на звездочку после сгорания пиротехнического замедлителя (1,5 секунды) срабатывал вышибной заряд (3 грамма черного пороха), и мина, выпрыгивая на 70 – 80 (старый тип) или 20 – 30 (новый тип) сантиметров, поражала живую силу осколками на расстоянии 20 – 30 метров. Это была наиболее распространенная модель ПРОМа, хотя позднее возникли модели ПРОМ-КД с электровзрывателем и двухкилограммовая ПРОМ-3 с зарядом пластита с оболочкой, содержащей 2.900 стальных валиков (по 0,35 грамма каждый), и с двумя (верхним и нижним) детонаторами, срабатывающими одновременно. Впрочем, эти две последние модели ПРОМа на войне практически не применялись.

Стоит коснуться и осколочной мины направленного действия МРУД (схожая с советской МОН-50 и американской М-18 Claymore), имевшей 900-граммовый заряд пластита и 650 стальных шариков, залитых в пластмассу. МРУД иногда ставилась на растяжку, но, как правило, эта мина устанавливалась с электровзрывателем на дистанционное управление, что обеспечивало большую надежность, эффективность, безопасность и экономичность.

Серьезную опасность для пехоты, но в особенности для машин, ехавших узкими лесными дорогами, представляла одна из самых современных противотанковых мин ТМРП-6, бывшая не только противогусеничной, но и противоднищевой. Мина имела одну важную особенность – вогнутый диск из высококачественной стали, установленный над зарядом в 5,2 килограмма литого тротила. Этот диск вследствие резкого изменения формы под действием взрывной силы получал скорость в 1.500 – 2.000 м/сек и пробивал броню толщиной до 50 миллиметров на расстоянии 10 метров. Наличие штыря делало эту мину порой и противопехотной, в особенности при вертикальной установке на высоте одного-полутора метров. К штырю зачастую привязывалась проволока, и это представляло серьезную опасность для противника. Можно было использовать мину и в управляемом варианте, передавая по проводам команду на подрыв дополнительного взрывателя, расположенного в дне мины.

Наконец, в качестве противопехотных применялись и обычные противотанковые мины: ТММ-1, ТМА-1, ТМА-2, ТМА-3, ТМА-4, ТМА-5, ТМА-5А, на верх которых устанавливалась противопехотная нажимная мина. Использовалось для борьбы с пехотой и большое количество импровизированных минно-взрывных средств: фугасов и самодельных осколочных мин как направленного, так и ненаправленного действия. Что касается взрывных зарядов, то на практике применялся прессованный тротил (в основном тротиловые шашки от 75 до 200 граммов) и защищенные пластикой тротиловые шашки по 100 и 500 граммов; фунтовые (453 грамма) заряды тетритола (смесь тротила и тетрила). Встречались и подрывные заряды (1,2 килограмма тетритола, 1,1 килограмма гексотола, 25 килограммов тротила), а также ряд зарядов иностранного и кустарного изготовления.

Широкую известность и популярность имели пластичные взрывчатки на основе гексогена (М5А1, П-20, ПЕ-64, ПП-01) и пентрита (НП-65), а также промышленная пластичная взрывчатка витезит. Все они в силу легкости использования, плотного прилегания к поверхности, влагостойкости и пластичности чаще всего применялись в различных наступательных и диверсионных акциях. Что касается способов подрывов, то чаще всего использовался огневой способ с применением огнепроводного шнура и, как правило, азидного капсюля-детонатора № 8, крепившегося на конце шнура и соединявшегося либо с самим зарядом, либо (если зарядов было несколько) с детонирующим шнуром. Механический способ подрыва использовался, как правило, с помощью специальных взрывателей, а электрический – в основном тогда, когда это позволяли время и обстановка.

Схема возможной закладки мин в помещении

Полковая, снайперская...

Ануржи ПШИХОПОВ

Фото Сергея СИДОРОВА

Люди старшего поколения, прошедшие службу в рядах Советской Армии, хорошо помнят времена, когда подготовка специалистов для частей происходила в так называемых полковых школах. В этой практике был один несомненный плюс – командование частей понимало, что обучало специалистов непосредственно для своих подразделений, а потому относилось к организации этого процесса со всей серьезностью.

Сегодня мы публикуем письмо, которое предлагает по-новому взглянуть на данную проблему.

Здравствуйте, редакция «Солдата удачи».

Хотелось бы высказаться по поводу подготовки снайперов в войсках. Тема эта часто обсуждается в журнале – значит, вопрос актуальный.

Хороших снайперов в частях недостаточно. Хоть и существуют в армии учебные центры, они физически не в состоянии подготовить необходимое количество кадров. Что же сегодня можно (и нужно) предпринять, чтобы дать в войска достаточное количество классных специалистов? Ответ очевиден – надо обучать их непосредственно в частях. Но вот здесь-то и начинаются проблемы.

Добрые (и, наверное, умные) дяди в высоких штабах без устали пишут многочисленные директивы, приказы и инструкции, призванные облегчить жизнь Ваньке-взводному, хотят научить его всему, что необходимо в работе. Но после того, как эти директивы проходят сверху вниз через многочисленные инстанции военной «вертикали власти», все «разумное, доброе, вечное» из них выхолащивается и эффект получается совсем обратный. Приведу конкретный пример. Рассказ пойдет о том, как обычно проходили сборы снайперов у нас в полку.

Один-единственный офицер назначался руководить сборами снайперов мотострелкового полка (вместо положенных пяти офицеров и одного прапорщика). Ему об этом сообщалось уже в ходе этих самых сборов (хорошо, если в первый день). Он сразу же подвергался жесткой критике за то, что... план-конспекты и расписание занятий не были подготовлены за две недели до их проведения, и за отсутствие учебно-материальной базы (УМБ).

Тут необходимо отметить, что у него в подразделении (рота связи) по штату снайперов нет, соответственно и снайперской УМБ взяться неоткуда. А на сборы он назначен за свои былые спортивные заслуги в пулевой стрельбе и за то, что лучше всех других млад-

ших офицеров полка (и большинства старших офицеров) разбирается в предмете и горит желанием работать именно со снайперами. Офицер этот – лейтенант-двухгодичник, отслуживший к тому моменту пять месяцев в полку (это для тех, кто любит ругать качество подготовки офицеров на военных кафедрах гражданских вузов).

Начинается формирование УМБ с миру по нитке. Ни от кого из командования полка или из управления батальонов никакой помощи, естественно, не было. Даже наоборот. Отношение к сборам было такое, как будто снайперов готовят не для полка, а для незаконных вооруженных формирований. Помогали только женщины из библиотеки – похоже, единственные, кто искренне переживал за боеготовность части. Единственное учебное пособие, которое удалось найти, – Наставление по стрелковому делу (НСД) по АК и ПК. НСД по СВД, – оказывается, большой раритет, и достать его за все время так и не удалось. Необходимая для занятий информация добывалась в различных военных журналах, в том числе и в «Солдате удачи», а также в Интернете. Немного позже в книжном магазине попалась пара неплохих изданий. И это – все.

Добросовестный офицер, желающий все-таки дать какие-то знания бойцам за отведенное время сборов (полк ведь боевой – может пригодиться), вынужден был по ночам писать эти самые планы-конспекты и расписания, а днем проводить занятия. А если требовалось провести стрельбы, то надо было день потратить, бегая по кабинетам и подписывая соответствующие приказы. Естественно, занятиями при этом приходилось жертвовать. Бюрократия ведь важнее.

Кроме того, никто не снимал с него ответственности за его собственное штатное подразделение, которому он тоже должен был уделять внимание и соответственно время. Из-за нехватки офицеров в части он еще ходил в наряды (хотя во время сборов и не должен этого делать). А бойцов со сборов командование полка часто забирало на различные хозработы, опять же мотивируя это нехваткой людей (хорошо, если один взвод оставят). Из всего, о чем написано в директивах, командование помнило лишь о ежедневных двух часах ночных занятий и требовало их проводить обязательно. (Это и понятно: по ночам ведь хозработ обычно не бывает, значит, бойцы оказывались «свободными».)

Вот такое отношение было у нас в полку к подготовке снайперов. Думаю, в других частях ситуация складывалась примерно такая же. Хотя, когда приезжали какие-то проверяющие начальники или телевидение, все вдруг вспоминали о сборах, начиналась беготня, суета, и создавалась видимость кипучей деятельности. Как-то раз зимой выдали даже новенькие маскхалаты и разгрузки, но сразу после съемок, естественно, отобрали.

И тем не менее занятия и стрельбы все-таки проводились. Хотя, конечно, не на таком высоком уровне, как могло бы быть, если бы командование не вмешивалось в процесс. Большинство бойцов горело желанием «учиться военному делу настоящим образом», а некоторые из них даже показывали очень неплохие результаты. Но, кроме руководителя сборов, это абсолютно никому не было нужно и интересно.

Теперь конкретно о том, как, по моему мнению, должна проводиться подготовка снайперов непосредственно в частях. Естественно, для Минобороны это не станет руководством к действию, но, может, кому-нибудь из читателей журнала будет интересно, и он выскажет свое мнение по этому поводу.

Прежде чем решать, как и к чему готовить снайперов, необходимо сначала определить, как и кем они будут использоваться в боевой обстановке, и очертить круг решаемых ими задач.

Считаю, что всех снайперов в батальоне целесообразно собрать в один взвод. Потому что, если их распылить по ротам (снайперское отделение в роте) и тем более по взводам (снайперская пара во взводе), никто не будет всерьез учитывать особенности и нюансы их боевой подготовки, и от других солдат они будут отличаться только вооружением (СВД вместо АК), но не какими-то особыми знаниями, навыками и умением.

Поскольку в боевой обстановке снайпер будет много времени проводить, наблюдая за передним краем противника, а иногда даже действуя в его ближайшем тылу, то имеет смысл, помимо его основных обязанностей, возложить на него также функции разведчика.

Снайпер-разведчик иногда может обнаружить цель, которую не в состоянии уничтожить самостоятельно, но которую нельзя оставить без внимания: колонна противника на марше, скопление бронетехники, артиллерия на огневой позиции и т.д. и т.п. Значит, ему надо уметь вызывать и наводить огонь полковой артиллерии и минометной батареи своего батальона. Соответственно он должен уметь обращаться с радиостанцией (и быть оснащен ею).

Взвод состоит из управления (2 человека) и трех снайперско-разведывательных отделений (по 6 человек в каждом). Командир взвода – старший инструктор (лейтенант/старший лейтенант), его заместитель – инструктор (сержант-контрактник). Весь личный состав разбит на пары, то есть во взводе 10 пар. В каждой паре один военнослужащий выполняет непосредственно функции снайпера, а второй обеспечивает этот процесс. То есть прикрывает снайпера, помогает определять дальность до цели и т.д. Соответственно

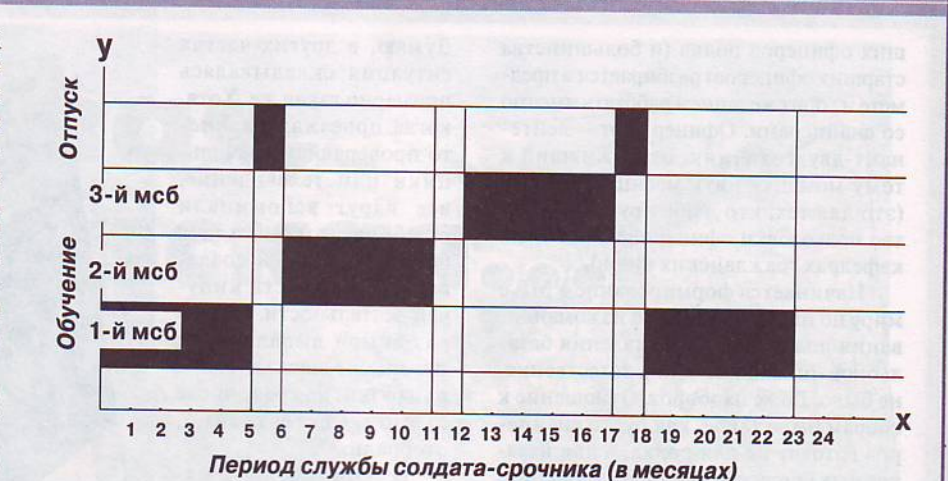
первый вооружен СВД, а второй – АК с ГП. Дополнительное вооружение пары: пистолет-пулемет (у первого) и пистолет (у второго), оборудованные приборами бесшумной и беспламенной стрельбы. В каждой паре хотя бы одна радиостанция (естественно, не Р-159, а что-нибудь поменьше и полегче), ночной прицел и лазерный дальномер. В ходе выполнения задачи бойцы могут меняться ролями и оружием. Это должно учитываться при их обучении.

Итак, во взводе 20 человек личного состава, из них один офицер и четыре сержанта. 10 снайперских винтовок, 10 автоматов с подствольниками, 10 пистолетов-пулеметов, 10 пистолетов, 10 радиостанций, 10 дальномеров и 10 «ночников».

Взвод может действовать в полном составе самостоятельно, в интересах командира батальона, или придаваться для усиления ротам – в каждую роту по отделению. Далее, отделение, в свою очередь, может попарно передаваться взводам. Или взвод в полном составе может придаваться одной из рот, смотря по обстановке. Желательно в мирное время закрепить за каждым взводом свою пару снайперов-разведчиков, которые будут придаваться взводу в случае необходимости.

Теперь о том, кто и как будет проводить первоначальное обучение снайперов-разведчиков.

В полку должна быть своя небольшая **снайперская школа** со своим штатом инструкторов и преподавателей. В штат должны быть включены офицер-артиллерист, офицер-разведчик и офицер-связист. Желательно наличие одного прапорщика (старшины), водителя, медика, повара, минометного расчета (с 82-мм минометом 2Б14) и полигонной команды – нескольких солдат-срочников. Начальник школы (капитан/майор) несет полную ответственность за качество подготовки снайперов-разведчиков в полку.

Откуда брать кадры для школы? Офицеры: артиллеристы, разведчики, связисты – это выпускники соответствующих военных вузов. Командиры снайперско-разведывательных взводов – это офицеры, прошедшие подготовку в снайперских учебных центрах или выпускники соответствующих факультетов (если они будут созданы) военных вузов. Из них в дальнейшем вырастают начальники школ. Солдаты-срочники из состава снайперско-разведывательных взводов (СРВ), по окончании срока службы изъявившие желание подписать контракт, назначаются на должности заместителей командиров СРВ и командиров отделений СРВ.

Школа представляет собой полевой лагерь, который находится за пределами пункта постоянной дислокации, по возможности в таком месте, ландшафт которого аналогичен тому, где предполагается вести боевые действия. В идеале там должны быть горы, поле, лес, водоем и какое-нибудь заброшенное здание, чтобы можно было отрабатывать различные задачи, в том числе со стрельбой. Вблизи лагеря не должно быть никаких населенных пунктов и дорог, за исключением, естественно, той, что ведет в лагерь.

Как только новобранцы прибывают в часть, они попадают в руки психологов. При изучении молодого пополнения психологи должны «брать на карандаш» наиболее подходящих с психологической точки зрения (тип характера, уровень IQ и т.д.) кандидатов и сообщать о них начальнику школы. В дальнейшем начальник школы отбирает кандидатов из тех, кто предложены психологом уже по своим критериям: наличие стрелкового опыта (охотники, спортсмены), желание самого кандидата, уровень физической подготовки и т.д. Начальнику школы должно быть предоставлено приоритетное право отбора кандидатов, то есть он первым из командиров подразделений отбирает для себя людей, а все остальные – после него.

Как только кандидаты отобраны, из них формируется учебный взвод и начинается обучение. Заметьте, что все бойцы во взводе одного призыва – это исключает неуставные взаимоотношения.

Период обучения будущих снайперов в полку, имеющем в своем составе три мотострелковых батальона, длится пять месяцев. Почему именно пять? Потому что школа должна полностью удовлетворять потребность полка в снайперах. То есть в каждом батальоне постоянно должен быть полно-

стью укомплектованный и обученный взвод. Для этого в течение периода службы солдата-срочника школа должна выпустить четыре взвода. И пять месяцев – это максимальный срок, который можно отвести на обучение одного взвода.

Таким образом, к моменту увольнения в запас личного состава снайперско-разведывательного взвода, например, первого мотострелкового батальона, в этот батальон приходит из школы новый взвод. Происходит торжественная церемония смены поколений, и счастливые «дембеля» садятся на паровоз, а не менее счастливые «слоны» приступают к службе.

Приведенная схема (см. стр. 10) иллюстрирует временной график работы школы. Ось X – это период службы солдата-срочника, который, как правило, составляет 24 месяца минус 20 дней отпуска. Ось У отражает деятельность школы: либо идет обучение взвода для одного из батальонов, либо сотрудники школы находятся в отпуске. Из схемы видно, что с момента начала обучения одного учебного взвода для 1-го мсб до конца обучения следующего учебного взвода для того же 1-го мсб проходят те самые 24 месяца минус 20 дней.

Например. В часть прибыло пополнение. Из него отобрали людей в учебный взвод, и 1 декабря (точка начала отсчета на графике) с началом зимнего периода обучения начинается учебный процесс во взводе, предназначенном в 1-й мсб. Обучение длится 5 месяцев: с 1 декабря по 30 апреля. Затем взвод отправляется в батальон, а руководство школы в течение недели занимается восстановлением и усовершенствованием учебно-материальной базы. После этого сотрудники школы могут отправляться в отпуск продолжительностью до месяца (с учетом времени на дорогу).

В июне начинается летний период обучения. Из молодого пополнения набран новый учебный взвод уже для 2-го мсб, и 8 июня начинаются занятия в школе. Через 5 месяцев, 8 ноября, этот взвод, завершив обучение, убывает в батальон. До начала занятий со следующей группой (1 декабря) остается чуть больше трех недель. Это время используется руководством школы для восстановления и усовершенствования учебно-материальной базы, а военнослужащие, не догулявшие свой отпуск летом, могут наверстать упущенное.

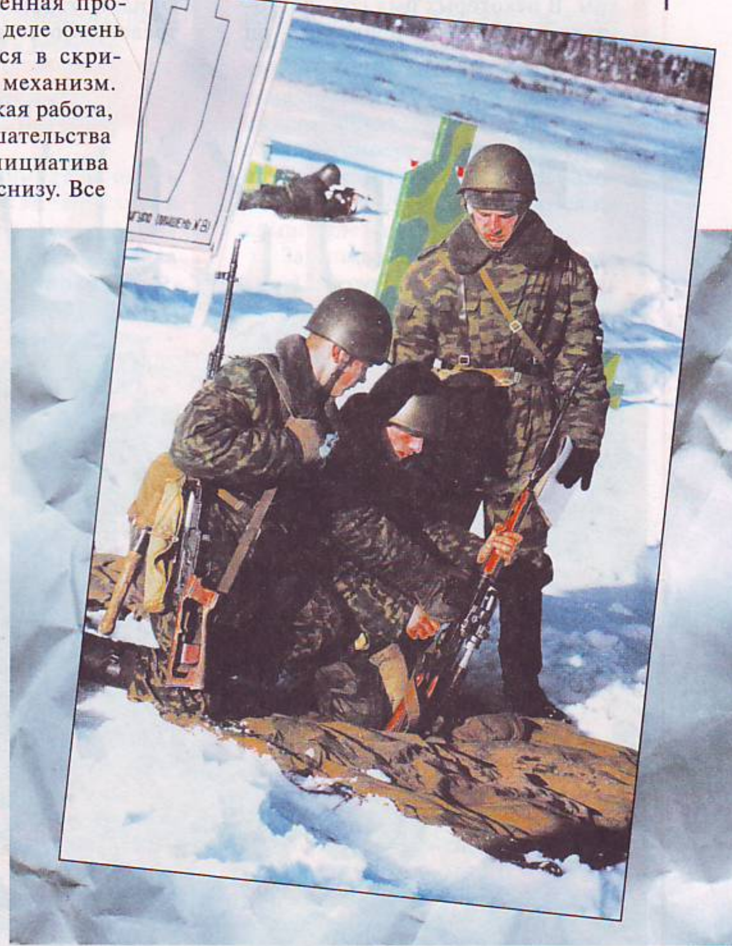
Во время обучения учебного взвода ранее выпущенные в батальоны снайперско-разведывательные взводы тоже не бездельничают – с ними занятия проводят их командиры. И эти взводы, а также разведрота полка и лучшая (по уровню боевой подготовки) мотострелковая рота могут выступать в роли противника при обучении «школьников».

На заключительном этапе обучения каждого учебного взвода на базе снайперской школы проводятся сборы снайперов полка. Проводятся они в виде соревнований четырех команд: учебного взвода и трех снайперско-разведывательных взводов. Победители отправляются на аналогичные соревнования в дивизии. Если победят и там, то едут на армейские соревнования и т.д. Эти соревнования (дивизионные и армейские) желательно проводить в период «затишья» – с 8 ноября по 1 декабря, чтобы не отвлекать бойцов и командиров, привлекаемых на соревнования, от учебного процесса. Соревнования эти, помимо выявления сильнейших, будут нести и другую не менее важную функцию: лучшие специалисты будут перенимать друг у друга наиболее эффективные методики обучения, делиться опытом, демонстрировать какие-то свои разработки и т.д.

Профессия снайпера, казалось бы, самая военная профессия, на самом деле очень тяжело вписывается в скрипучий армейский механизм. Как любая творческая работа, она не терпит вмешательства извне. Поэтому инициатива здесь должна идти снизу. Все инструкции должны нести только рекомендательный характер. Для военного человека это звучит дико, поскольку любая проверяющая комиссия будет смотреть, в первую очередь, на то, как исполняются инструкции и приказы, а не на то, каких успехов добились обучаемые, забывая о том, что инструкции – это средство, а не цель. Впрочем, чтобы доказать, что и члены комиссий не зря свой хлеб едят, они в любом случае будут изо всех сил искать, к чему придраться.

Любое вмешательство вышестоящего командования в учебный процесс должно быть сведено к минимуму, поскольку приносит больше вреда, чем пользы. А единственным критерием оценки успешности работы снайперской школы должен быть уровень профессиональной подготовки ее выпускников, а не то, какого цвета камушками выложены дорожки в школе.

От редакции. *Может быть, все то, что предлагает Анурби Пшихопов, кому-то покажется фантастической затеей. Однако всем нам не стоит забывать, что реалии сегодняшнего дня, когда боевые действия ведутся не армадами танков и полчищами пехоты, а мобильными, хорошо вооруженными и подготовленными группами, особую роль в которых играют снайперы, таковы, что без четкой организации снайперского дела в нашей армии просто не обойтись. А потому любые мнения на этот счет достойны внимания и изучения. Именно поэтому редакция с большим удовольствием предоставит журнальные страницы всем, кто захочет предметно высказаться на эту тему.*

В окружении

Павел ЗЯБКИН
Фото Сергея СИДОРОВА

БРОШЕННЫЙ КЛАД

...Наш блокпост, на котором находилось сорок человек, располагался у населенного пункта Курчалой. Километрах в трех от нас стоял еще один блокпост, на котором людей и техники было побольше, там же был временный штаб нашей группы и жил командир батальона. Нашей задачей было сначала перекрыть отступление Радуева из Новогрозненска, а затем обеспечить успешный ввод войск в Курчалой. Однако вместо этого мы сами попали в окружение и сидели в полном дерьме, ничего толком не делая.

Возле нашего блокпоста находился винзавод. Он был заброшен, и мы не сразу догадались о находящемся там сокровище. Обнаружено оно было совершенно случайно. В тот благословенный день наши ребята поехали на БМП и танке за дровами. Возглавил «дровосеков» лично замкомбата. Вернувшись, они кроме дров привезли множество десятилитровых банок, наполненных каким-то напитком. В некоторых был сок, поэтому-то замкомбата и привез их — он думал, что в остальных банках то же самое...

С удовольствием попив нектара (соскучились по витаминам!), мы собирались было уходить греться в палатку, как вдруг раздался радостный вопль: «Братва, да ведь это вино!» Кричал Володька-пулеметчик. В руках он держал изрядно отпитую банку с темной жидкостью. Тут же все сбежались, даже часовые побросали свои посты. Замкомбата только разводил руками – так уж получилось, что невольным организатором пьянства стал он сам. Остановить солдат было уже невозможно. Вскоре языки у многих стали заплетаться, а мысли начали приобретать авантюрный характер. Этот день стал началом винзаводской эпопеи. Эпопеи пьяного героизма и запойного мужества.

Ф-1 КАК СРЕДСТВО «ДИПЛОМАТИИ»

Ночь прошла в предвкушении предстоящего похода за вином. Однако утром всех подняли по тревоге. Со стороны завода слышались выстрелы, несколько пуль с противным свистом пронеслись и над блокпостом. Мы быстро расселись на броне и помчались к заводу. Минут через пять он уже был окружен. БМП и танки заняли свои позиции. Пехота, осторожно пробираясь по сугробам, кралась к забору, окружающему здание. Я вместе с Витьком, стареньким мужичком противноалкогольной внешности, залег у дырки в заборе. Ждали дальнейших команд. Что произошло, толком никто не знал. Витек объяснил, что вроде как трое из их палатки ушли перед рассветом за вином, а потом пошла стрельба (которую я благополучно проспал), теперь вот нужно их выручать...

Далее ситуация развивалась куда как более странно. Со стороны, где находилась заводская проходная, послышалась громкая гортанная речь. Слов было не разобрать, но вскоре после окончания «монолога» поступила команда садиться на броню. Мы с Витьком, разочарованные, покинули позицию, похоронив надежду первыми ворваться на завод и напиться. А вот у БМП

наше разочарование переросло в отчаяние. Там стояли трое лазутчиков, пытавшихся раздобыть спиртное. Вид их был довольно жалким. Андрюха – замкомвзвода – стоял с перетянутой левой рукой, бушлат его в этом месте был сильно пропитан кровью. Леха – танкист – нервно курил, пальцы его еле держали сигарету. Но хуже всех выглядел Женек – санинструктор, того просто била нервная дрожь. Глаза его, казалось, вылезают из орбит. По приезде на блокпост они рассказали следующую историю.

...Оказывается, на винзаводе действительно находился наблюдательный пост боевиков. Располагался он на крыше главного здания. Добытчики шарили по заводу, разведывая, где и сколько вина находится. Все было хорошо до того момента, пока они не спустились в подвал. Там, в потемках, «чехи» их и окружили. Несколько выстрелов – и Андрюха уже ранен. Боевики им: «Оружие бросайте». Андрюха уже автомат не держал, Леха свой ствол тоже кинул на пол, разоружился и Женька. «Духи» подошли, чтобы забрать оружие, и тут Женька оказался молодцом. Выхватил гранату Ф-1, что в разгрузке у него была, и заявил «чехам»: или оружие отдают и всех выпускают, или пойдут вместе с ними к своему Аллаху. «Чехи», несмотря на заверения, к Аллаху особенно не спешили. И оружие отдали, и отпустили всю троицу. Пока шли эти «переговоры», мы как раз и окружали завод.

Для прояснения ситуации я сделаю небольшое отступление в реалии той войны. Отношения с боевиками были очень странными. Политика менялась не по дням, а по часам, и армия металась между противоречивыми приказами, то воюя, то мирясь с боевиками. Последние, напротив, во время перемирий открыто ходили в своих селах в форме и с оружием. Наши, скрипя зубами, смотрели на них и не имели права открывать огонь. Во всех средствах массовой информации только и трубили о «зверствах» Российской армии в «маленькой беззащитной Чечне». Все это сковывало войска по рукам и ногам. Часто после удачных операций мы покидали взятые села, куда тут же входили боевики и устанавливали свои порядки.

Такая же ситуация была и под Курчалоем. Вокруг все было напичкано бандитами, но опять заключили какое-то перемирие, и стрелять в боевиков было крайне затруднительно. Они спокойно хозяйничали, не боясь ответственности за свои действия, а с нас, чуть что, спрашивали по полной строгости уголовного законодательства. Вот почему боевики чувствовали себя на винзаводе спокойно и уверенно...

ДОСТИЖЕНИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

...На следующий день опять была тревога. Снова выдвинулись к винзаводу. Что же на этот раз? Оказывается, теперь на поиски клада отправились двое срочников...

«Чехи» через местного фермера Саида позвали нашего командира на переговоры, обещая вернуть солдат живыми и здоровыми. Идут. Три человека. Двое наших бойцов и с ними «чех», их ровесник. Срочники с автоматами, а у боевика в левой руке зажата граната Ф-1. «Дух» улыбается, срочники тоже веселые, кажется, поддатые. Чеченец говорит несколько слов командиру и, оставив солдат, быстро удаляется внутрь завода. Через минуту из проходной выходят два бородатых боевика, увешанных оружием, и с ними два древних старца в папахах и горских сапогах. Начинается разговор с командиром. Смысл следующий.

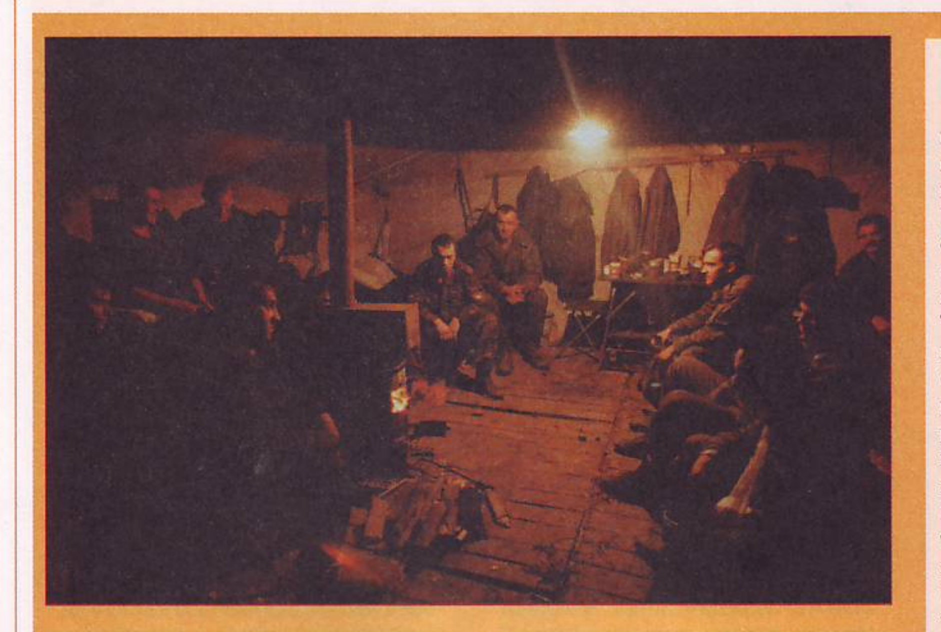
Да, на крыше винзавода регулярно выставляется наблюдательный пост боевиков. Но им было непонятно, почему русские в нарушение недавно заключенного перемирия регулярно делали вылазки на винзавод? Однако сегодня срочники наконец-то прояснили причину такой агрессии. Боевикам стало ясно, что цель русских – не их наблюдательный пункт, а запасы вина, во множестве оставшиеся на заводе еще с советских времен. А раз так, то они предлагают следующее: вот эти два старика, бывшие сторожа винзавода, будут находиться на проходной. Пусть русские приходят к ним, и они будут выдавать банки с вином, сколько солдаты смогут унести. Но пусть они не заходят на территорию завода и, особенно, не поднимаются на крышу, где находится НП...

Замкомандира батальона огляделся вокруг и с сожалением увидел, что этот разговор слышали как минимум человек десять солдат. Значит, в тайне это соглашение не удержать...

ПЬЯНЫЕ ДЕЛА

Теперь с самого утра и до вечера на завод только и ходили ходоки. Командир поделать ничего не мог и пустил дело на самотек. Чтобы избежать потерь оружия, наше отделение врыло в землю пулемет, и он, как монумент, возвышался на «фишке». К нему и ходили по очереди на дежурство, захватив с собой предварительно кружку подогретого на печке вина.

Однако не все было так уж безоблачно, как может показаться из этих строк. На почве алкоголя происходило много ЧП. Так, уже в марте, отправившись в одиночку за вином, пропал без вести Володька-пулеметчик. Водитель

ГАЗ-66 утопил в луже автомат, правда, вскоре нашел его. С ним вообще произошла комичная история. Командир за пьянство посадил его в яму. Полагая, что такое наказание вряд ли вразумит водителя, он пошел на интересный шаг. Из соседнего полка привез сына водителя, который служил там срочную службу, и устроил ему свидание с сидящим в яме отцом. (К тому времени к нам подошел уральский полк, и окружение было прорвано.) Во время свидания командир неоднократно повторял, обращаясь к сыну: «Ты спроси папу, за что он тут сидит. А то будет дома сказки рассказывать, как воевал. Вот ты и посмотри, как папа воюет». Не знаю, что дома рассказывал сын про отца, но вроде оба остались довольны свиданием.

Был еще один случай утопления в луже автомата. Эта беда случилась с парнем из нашей палатки. Ромка, так его звали, напился на «фишке» и, проснувшись, не обнаружил автомата. Я менял его, и мы вместе стали обшаривать подступы к блокпосту, справедливо полагая, что автомат скорее всего скатился со склона вниз. К нам присоединились и другие часовые, несшие службу в это время. Пока шли поиски, Ромка как-то незаметно исчез в кустах. Наконец, кто-то из ребят с радостью возвестил о находке автомата, который лежал в луже на противоположной от Ромкиного поста стороне. Теперь осталось только найти самого хозяина оружия. Ромка был обнаружен сидящим в кустах. В руке у него была граната. Он сказал, что собирался взорвать самого себя, если автомат не найдется. К счастью, все обошлось хорошо.

Был еще случай, едва не закончившийся трагически. Героем этого эпизода был Женька, мой земляк. Уж чего он там и с кем не поделил, не знаю, так как палатка его располагалась на противоположном краю лагеря. Всех подняли на ноги крики Женьки о том, как ему все это надоело и как он хочет домой. Я вылез из палатки в надежде успокоить земляка, но тут увидел, что это вряд ли удастся. Женька стоял у входа в палатку босиком, в одном исподнем. В руках он держал автомат, ствол которого ходил в разные стороны. Скорее всего, патрон находился в патроннике, как у всех нас. Был ли снят предохранитель, я не видел. Но сама ситуация заставила не на шутку испугаться. Если случайно заденет спуск, то кого-то мы не досчитаемся. Такие случаи были не такой уж и редкостью в федеральных войсках.

Однако стрелять Женька явно ни в кого не собирался. Еще раз помянув недобрыми словами командование и их родственников, он перехватил оружие за ствол и, раскрутив его подобно метателю молота, закинул в лужу, что была в центре блокпоста. В общем, и в этот раз все обошлось.

Несколько часов спустя протрезвевший Женька в завернутых по колено штанах лазил по луже и искал автомат, к которому он несколькими часами ранее обещал не притрагиваться.

КОНЕЦ «ЛОГОВА БОЕВИКОВ»

Кончилась, однако, эта вольница в один день. Так же внезапно, как и началась. Уральский полк, который должен был «зачищать» Курчалой, внезапно выслал группу саперов и разведчиков на винзавод. «Чехи» к этому времени оттуда уже исчезли, остались только два деда. Теперь мы увидели этих дедов, печально бредущих по дороге к себе в село. Наш командир ходил радостный и потирал руки. Вскоре раздалось несколько взрывов, и над винзаводом поднялись грибы, как от ядерного взрыва, только поменьше. Все обитатели блокпоста выскочили на насыпь и с ужасом наблюдали такой акт вандализма. По их грязным и небритым лицам текли скупые мужские слезы. Все, веселая и вольная жизнь окончилась.

К вечеру выяснились подробности и подноготная этого чудовищного деяния. Оказалось, что наш командир съездил к уральцам и сказал их командиру, что винзавод представляет собой логово отпетых боевиков, склад оружия и боеприпасов, что оттуда ведется систематический обстрел наших позиций – и прочую чушь. Командир уральцев, недолго думая, снарядил группу саперов под прикрытием разведки, причем из одних только срочников, и те уничтожили завод.

На этом в общем-то и закончилось Курчалойское окружение. Со времени уничтожения завода жизнь нашего маленького коллектива стала потихоньку входить в уставное русло, а вскоре нас вообще убрали оттуда в бригаду.

От редакции. *Думаем, каких-либо комментариев к воспоминаниям Павла Зябкина не требуется. Все сказано предельно четко и ясно. Остается лишь добавить, что ввиду очень большого объема материала он опубликован в сокращении. Хотя другие эпизоды, на наш взгляд, были бы не менее интересными для читателя. Возможно, в будущем мы еще к ним вернемся. Нечасто можно увидеть такой беспощадный, в том числе лично к себе, взгляд на войну. Наверное, после таких откровений и те, кто далек от темы, могут понять, что война – это не романтика. Это страшная вещь. Красивого в ней нет и не может быть ничего. И о ней нужно говорить правду и только правду.*

«Тынянов насочинял, а вы поверили...»

Здравствуйте, уважаемая редакция.

Уже год, как я читаю ваш журнал, не пропустил ни одного номера. Очень хорошая привычка – публиковать наиболее толковые письма читателей в рубрике «Ответный выстрел». Чувствуется, каждое письмо прочитано и принято к сведению.

Я знаком с приличным количеством изданий военной тематики, но не встретил ни одного более «нормального» (лучшего, если не единственного в своей категории), чем ваш журнал. Иначе говоря, это издание – для всех, кто мало-мальски интересуется военным делом. Здесь не суют в лицо лжепатриотизм и не развозят по щекам сопли воинского братства, как большинство изданий. Не углубляются в дебри военной теории. Все по существу и понятно: есть тема, есть ее детальное рассмотрение. А вся философия заключена в «Колонке редактора» и читательской почте. Правильная эта рубрика – «Колонка редактора». Радуют профессионализм и качество изложения материала в статьях. Ведь очень трудно написать действительно качественный материал. Например, статья «Дьен-Бьен-Фу...» (№ 1, 2/2004 г.). Это высший пилотаж и профессионализм. Отличная статья «Легендарный UZI» (№ 1/2005 г.). Таких материалов нужно побольше. Интересно было прочитать о Д. Герасимове («Судьба моя – спецназ»). Очень нужна «Книга боевого опыта». Сам учусь по ней.

Жаль, что встречаются и слабые материалы, пусть редко, но все же. К примеру, «Мы дрались с американским десантом...» (№ 1/2003 г.). Даже если написанное в статье – правда, то такое понимание картины событий не характерно даже для рядового, а не то что для сержанта. Он куда-то бежал, кто-то его бил. Непонятно, как эта статья попала на страницы журнала: рассказал Тынянов, записал Егоров. Тынянов просто насочинял, а вы поверили.

Статья «Казацкий спецназ» (№ 10/2004 г.). Мне кажется, подробные рассказы с гравюрами и легендами больше подходят для военно-исторических журналов. Какая организация была у боевых подразделений казаков? Двойки, тройки, десятки или же толпа? Как осуществлялись охрана и маскировка в ходе выдвижения к месту диверсии (ведь Супруненко пытается показать их некими «перцами-прародителями» спецназа). Как была организована боевая подготовка пополнения – неужели непосредственно в ходе первой операции? Получается, что сам автор недостаточно изучил тему.

«Солдат удачи» идеологически нейтрален. Это одно из его достоинств. Вы часто пишете о людях, воевавших, скажу так, не в рядах Российской армии. Это «Записки украинского наемника» (№ 2, 5, 7/2004 г.), «Записки легионера» (№ 1-5/2003 г.). Их интересно читать. Хотелось бы еще узнать не только о том, как «там» устроены быт и учеба. Например, Москаль мог бы рассказать, какую роль играло его подразделение в ходе боя, как вел себя противник, какие понес потери, причины успеха или провала боя и операции. А Дегтярев – где служил, в каких спецоперациях участвовал. Ведь они – живые свидетели событий. Знаю, что эти люди не хотят иметь проблем с прокуратурой, но все-таки...

Очень понравилась статья «Легендарный UZI» (№ 1/2005 г.). Пишите о современном оружии подробно, разложив все по полочкам, с историей создания. Вот, например, РПО «Шмель». Что знает о нем обычный военнослужащий? Практически ничего. Читал, что в 1995 году в Грозном применялись ранцевые огнеметы.

Вы часто пишете о климатическом, лазерном и подобных типах оружия. Очень хотелось бы узнать побольше о применении химического оружия Ираком в войне с Ираном, ЮАР в Анголе и других вооруженных конфликтах. Каковы потери, были ли достигнуты при этом намеченные цели, чем обусловлено его применение именно в это время и в этом месте и в таком масштабе.

Алексей Фомин, г. Санкт-Петербург.

Последний бой Олега Ильина

Михаил Болтунов
Фото из архива автора

1.

Подполковник Олег Ильин возвратился из Чечни за две недели до бесланских событий. Командировка на Северный Кавказ была долгой, напряженной... Бойцы устали. Казалось, теперь самое время отдохнуть, отоспаться, побыть с семьей, только вот не получалось. Приходилось ездить на объект, в подразделение – то отчет составлять, то писать представления на награждение.

31 августа он сказал жене: «Все, я в отпуске. Завтра старшего отправлю в школу, младшего – в сад и ложусь спать».

Однако не получилось. Утром позвонил на службу, оказывается, можно получить отпускные. А деньги нужны позарез, через день-другой они с женой Аней собирались махнуть к друзьям в Мурманск. Начинался благословенный период времени, называемый отпуском.

Машину он уже подремонтировал, оставалось забросить кое-какие вещички, и как в песне поется: «На три дня, на три дня, вы забудьте про меня».

Но пока надо было заехать в родную Балашиху, на объект, и расписаться в финансовой ведомости.

Они поехали вместе, поскольку Анна служила вместе с ним в «Вымпеле» и ей тоже причитались отпускные.

Деньги супруги Ильины получили, но вместо отпускного напутствия Олега вызвал к себе командир и объявил о захвате террористами школы в Беслане.

«А если бы вы уехали в Мурманск?» – спросил я позже Анну Ильину. Она, не задумываясь, ответила: «Отпуск? О чем вы говорите? Олег вернулся бы с полдороги, узнай он о захвате».

Так он оказался в Беслане. Разумеется, не один, а со своим отделением в составе спецподразделения «Вымпел», убывшего к месту событий.

Аня осталась дома с детьми. Об отпуске теперь приходилось только мечтать.

В отпуск они поедут позже, намного позже, уже без мужа и отца.

Олег всегда мечтал отвезти их в горы, научить кататься ее, сыновей на лыжах, на сноуборде. Аня отвечала, что отдых на горно-лыжном курорте не по их офицерской зарплате. Но Олег не соглашался, говорил: «Надо мечтать, и все исполнится».

Сам он очень любил горы. Возвращаясь из командировок, куда сотрудники «Вымпела» выезжали на горную подготовку, с упоением рассказывал об Эльбрусе.

После его гибели Аня исполнила мечту мужа: взяла сыновей и они поехали на Эльбрус. «Увидела всю эту красоту и поняла, почему Олег так любил горы, – скажет она, – а я ревновала его к горам».

Однако ничего этого Анна Ильина тогда еще не знала, да и знать не могла. Собрала мужа в дорогу, попрощалась. Все как обычно, не в первый ведь раз. Правда, Олег показался ей каким-то тихим, уставшим что ли. Она так и подумала: отдохнуть, отойти от прежней командировки не успел.

Обычно, когда муж уезжал на подобного рода мероприятия – теракты, захваты, в их доме устанавливалась традиция – Анна телевизор не смотрела.

3 сентября с утра она себя почувствовала плохо, разболелась голова. Отпросилась со службы, пришла домой. За день до этого заболел старший сын Григорий. Дала ему лекарства и, когда он уснул, прилегла сама. Задремала. Вдруг телефонный звонок. В трубке – голос родственницы:

– Аня, ты телевизор смотришь?

– Нет...

– Ну и правильно, не смотри...

Перебросились еще фразой-другой, на том и закончился разговор. Однако уснуть опять не смогла, со страшной силой тянуло включить телевизор. Прежде никогда с ней такого не было. Долго боролась с собой, потом сдалась, включила. И уже не смогла оторваться от экрана. Показывали штурм школы в Беслане спецподразделениями «Альфа» и «Вымпел». Где-то там ее Олег.

Еще не было никаких известий: ни хороших, ни дурных, а ей становилось все хуже.

Звонили подруги, жены офицеров, мужья которых находились в Беслане. Все успокаивали друг друга, говорили, что все будет хорошо.

Вечером она заставила себя выйти на улицу, в магазин. Знакомые спрашивали, как дела. Она лишь пожимала плечами, не зная, что ответить.

А потом было самое страшное. Вовсе обессиленная дурным предчувствием, она сидела на кухне. Старший больной сын спал, младший смотрел телевизор, и у нее не хватило сил уложить его в постель.

Позвонили, дверь открыл младший Сережа и прибежал на кухню:

– Мама, к тебе из части приехали...

На пороге стояли начальник отдела, еще один офицер. «Я сразу все поняла, – признается потом Аня, – хотела только одного, услышать, что он ранен». Но услышала совсем другое: «Крепись, Олег погиб».

А ведь как она просила его быть осторожным. Он лишь улыбался, успокаивал: «Ты же знаешь, я хитрый, никуда сломя голову не полезу. Людей и себя берегу...»

Не сберег...

2.

Олег Ильин пришел в «Вымпел» в мае 1995 года. Элитное некогда подразделение Первого Главного управления (внешней разведки) КГБ переживало тяжелые времена. Полтора года назад, после событий октября 1993 года, оно, по сути, было «разгромлено». За отказ идти штурмовать Белый дом Борис Ельцин и его окружение расправились с бойцами отряда специального подразделения: «Вымпел» передали в систему МВД.

Мне рассказывал тогдашний командир «Вымпела» генерал Дмитрий Герасимов, что не мог поверить этим, казалось, невероятным слухам. Ведь в группу собирали лучших из лучших оперативников КГБ, готовившихся для работы за рубежом, владеющих иностранными языками, высокопрофессиональных спецов, словом, гордость внешней разведки. И вдруг этих людей в милиционеры? Быть этого не может.

Оказалось, в нашей стране все может быть. И генерал Герасимов это понял, когда ему вручили приказ, что в системе госбезопасности больше не существует специального подразделения «Вымпел».

Через несколько дней у КПП выстроилась вереница иномарок. Коммерсанты, в отличие от государственных мужей, по достоинству оценили профессионализм сотрудников спецподразделения.

В общем, из 700 бойцов и командиров в «Вымпеле» осталось 117 человек. Некоторые уволились со службы, приняв предложения коммерческих структур, иные ушли в другие службы ФСБ.

Новое руководство стало перед проблемой – следовало начинать заново строить подразделение. Стали строить. Тогда, как говорят, было не до жиру. Брали людей из разных структур, в том числе и из милицейских подразделений. Как оказалось потом, далеко не самых лучших. Они привносили свои «ментовские» привычки, менталитет, которые не всегда вписывались в традиции «Вымпела». Приходилось со временем освобождаться от таких «подарков».

Искали людей и в системе Министерства обороны. В особенности среди спецназовцев ГРУ, десантников.

Однажды офицеры из «Вымпела» приехали к десантникам в Медвежьи Озера. Посидели, пообщались, познакомились. Некоторые из медвежьеозерцев высказали желание перейти служить в подразделение.

Правда, на той встрече не присутствовал командир роты связи капитан Олег Ильин. О приезде «покупателей» из «Вымпела» узнал случайно от своих товарищей-десантников. К тому времени один его знакомый, тоже десантник, уже ушел в «Вымпел». Олег – к нему, мол, замолви словечко. Тот доложил руководству. Познакомились, проверили, изучили... и в мае 1995 года Ильин был зачислен в подразделение.

В отличие от некоторых «проходняков», которые попадали в «Вымпел» в те годы, чтобы «засветиться» и потом всю жизнь козырять, мол, служил в легендарном спецназе, Ильин пришел в подразделение надолго, навсегда. И не «светиться», зарабатывать дешевый авторитет, а работать.

Судьба отвела ему девять лет жизни, девять лет службы в «Вымпеле».

Какими были они, эти годы, для Олега Ильина? Каким был он в эти годы?

3.

После зачисления в штат подразделения Ильин оказывается в 4-м отделе, в горном отделении. Не забудем, после «разгрома» «Вымпела» прошло всего полтора года. Отдел, в котором теперь служит Олег, находится в стадии становления. Все подразделение методом проб и ошибок пытается найти наиболее оптимальную тактику применения.

Проходят занятия, учения – полевые, тактико-специальные. Лучшие, самые здоровые силы группы «Вымпел» пытаются сплотить коллектив, жить единой семьей. Осознавая, что сложные боевые задачи под силу только крепкому, сильному, профессиональному спецподразделению.

Олег Ильин как всегда очень энергичен, инициативен. Некоторые даже поглядывают на него с настороженностью. «Вот, мол, какой, всюду хочет успеть».

И он успевает. С головой окунается в проблемы горного отделения. Первым делом исследует экипировку горных бойцов. На слово не верит никому, какими бы громкими «брендами» не прикрывались фирмы. Натягивает куртку и залезает под душ, потом приходит к руководству: «Это обмундирование не годится, протекают швы...» Берет спальный мешок и вместо теплой кровати под боком у жены проводит ночь на улице, проверяя на себе качество «спальника».

Он встречается с представителями фирм-производителей, выходит на ведущих альпинистов страны.

«Когда у нас появлялись определенные образцы обмундирования, – рассказывает начальник отдела группы «Вымпел» полковник Александр Б., – *Олег начинал их испытывать, проверять и делал свои заключения: в этой экипировке*

Бойцы спецподразделения «Вымпел» готовы к вылету. В центре – О. Ильин

О. Ильин (стоит) с сослуживцами по подразделению «Вымпел»

Однако при такой интенсивности занятий своей базы не хватало. Первым, кто внес дельное предложение, был Ильин. Он решил выйти на другие стрельбища, тиры. Стали выезжать туда, тренироваться. Как итог – уровень подготовки значительно возрос.

Откровенно говоря, Олег был тем человеком, которому до всего было дело.

«У нас есть занятия, – рассказывает сослуживец Ильина Николай В., – *на которых мы отрабатываем, например, проникновение в помещение по веревке. Речь идет об альпинистской подготовке.*

Вот ситуация: надо договориться о привлечении вертолета, чтобы организовать спуск на веревке. А просто так, по первому звонку вертолет никто не даст.

Олег умел правильно, грамотно подготовить документы, все обосновать, и, смотришь, у нас есть вертолет для проведения занятий.

Из других отделов ребята приходят, спрашивают: «Где это вы да как вертолет взяли?»

А мы их к Ильину отправили, мол, он содержит вертолетную эскадрилью».

Так подполковник Олег Ильин осваивал сам и учил осваивать своих подчиненных горную, воздушно-десантную, водолазную, огневую, тактико-специальную подготовку.

А вскоре накопленное мастерство и профессионализм проверит война, бой. В Первомайском, в Чечне, в «Норд-Осте».

сотрудник проживет в горах полчаса, а в другой – сутки. И аргументированно доказывал.

Помню, когда мы начинали, у нас были первые горные ботинки коричневого цвета. Они, конечно, получше армейских, но все равно не то. Ильин доказал, что им можно найти замену.

Многие вещи добывал для отдела лично. Какие у нас были «спальники» раньше, а какие достал он! Олег вышел на специалистов, наладил с ними контакт, провел анализ, и в результате прекрасными «спальниками» обеспечено не только его отделение, но и все остальные. А ведь он не был альпинистом, горником до прихода в «Вымпел».

И так в каждом деле, за которое брался Олег Ильин. Он доходил до сути, изучал его, становился спецом экстракласса.

Взять те же парапланы. До того времени, как Олег стал заниматься ими, в подразделении были парапланы, на которых, как сказал один из командиров «Вымпела», «можно разве что с небольшой горки съехать». Он же выдвинул весьма дельное предложение – головной дозор в горной местности выдвигается на... парапланах. И в самом деле, поднялся на полторы тысячи метров и передавай нужную развединформацию. Попробуй достань такого разведчика.

Предложение это по определенным причинам принято не было, но он всегда был уверен: признание такого тактического приема – дело времени. Возможно, он прав, кто знает?

Многие офицеры и до сих пор помнят, как испытывал Олег мотодельтаплан, по утрам летал над территорией части.

Разумеется, будучи человеком неугомонным, упрямым в достижении своей цели, кое-кому он не давал спокойно жить. В буквальном смысле «доставал» своими рацпредложениями. Его часто можно было видеть в отделе материально-технического обеспечения. Олег спорил, требовал. Не всем это нравилось. Но он думал не о косых взглядах и испорченных отношениях с «эмтэошниками», а о деле.

В результате кадровых перестановок вышло так, что Ильин оказался в другом отделе. И здесь он нашел приложение своей энергии.

«С приходом Олега, – признался один из руководителей отдела, – *мы создали группу нештатных водолазов. А ведь до него только задумывали, планировали ее организовать. Он пришел и добился своего. Не будем забывать: для этого надо время и большое желание. Человек, задумавший что-то новое, всегда сталкивается с какими-то административными барьерами. Иной раз предложит, да и махнет рукой. А Олег все доводил до конца».*

Думается, никому не надо доказывать важность огневой подготовки для бойцов спецподразделения. И тем не менее мне встречались командиры, которые считали, что стрельбы по нескольку раз в месяц – это вполне приемлемый максимум для поддержания огневого мастерства. Тем более, если стреляли уже не новички, а офицеры с опытом.

К счастью, в отделе, где служил Ильин, так не считали. Как сказал полковник Александр Б.: *«Сотрудник должен заниматься огневой подготовкой каждый день. Только тогда он становится настоящим профессионалом».*

4.

...Первой боевой операцией Ильина мог стать Буденновск. Но «старички» поберегли молодежь, Ильина в командировку не взяли. Олег только что пришел в подразделение, и капитану предстояло многому научиться. Теперь-то он это понимает, а тогда было обидно. «Ничего, – успокаивали их «деды», – войны и терактов на ваш век хватит».

Так оно и получилось. Прошло еще полгода после Буденновска, и Радуев захватил больницу в Кизляре.

Первоначально было известно, что три сотни боевиков, вооруженных стрелковым оружием, атаковали вертолетную площадку г. Кизляра, уничтожили две «вертушки» и топливозаправщик, захватили жилой дом. Они расстреливают и берут в заложники мирных жителей. Потом доходят до местной

больницы и тоже захватывают ее. А в больнице – старики, женщины-роженицы, дети.

Генерал Герасимов, бывший командир «Вымпела», участник тех событий, однажды признался: *«Там, в Первомайском, был натюрморт спецподразделений – 24 сотрудника управления спецопераций, часть «Альфы», поскольку в такой напряженный момент нельзя было оставить без прикрытия Москву, и небольшая по числу «Вега».*

В составе этой небольшой по числу «Веги» и находился, в сущности, еще начинающий боец группы антитеррора Олег Ильин.

Там он шел вместе со всеми на штурм села Первомайское, которое террористы превратили в хорошо оборудованный опорный пункт. Запомнились дикий январский холод, снег с дождем, бандиты, засевшие в теплых домах, сказки Президента Бориса Ельцина о 38 снайперах и конечно же пулеметный и автоматный огонь по наступающим.

Такими были его первое боевое крещение и первая награда – медаль «За отвагу».

Потом был орден Мужества в 1999 году, позже, через год, медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени с изображением мечей и, наконец, орден «За военные заслуги».

Награды говорят сами за себя. Начиная с 1999 года Ильин получал государственные награды практически каждый год.

Выезжая в Чечню, он действовал так же энергично и инициативно, как и в мирное время на учениях, занятиях. Ведь там тоже можно работать по-разному: есть оперативная информация – действуем, нет – ждем.

Но Олег Ильин не мог сидеть и ждать. Он добывал эту информацию сам со своими ребятами, искал новые, более эффективные схемы воздействия на террористов.

Вот как вспоминает об одной из командировок в Чечню начальник отдела подразделения «Вымпел» полковник Александр Б.

«Наш отдел, в состав которого входило и отделение Ильина, работал в Веденском районе. Там мы применили иную, не привычную схему действий – создали своеобразную пограничную зону, в которую входило пять сел. Постоянно контролировали въезд, выезд, анализировали, кто выезжает, кто въезжает. Если в селе появлялся новый человек, который не фиксировался на КПП, значит, он спустился с гор. Сразу возникал вопрос: что это за человек?

Придумали с Олегом и новую поисковую схему. Она оказалась довольно эффективной.

Для начала навели порядок в селе. Там до этого улицы не имели названий, дома – нумераций. Мы вместе с местной властью повесили таблички с названиями улиц, номерами домов. Попросили, как положено, завести домовые книги, вписать всех живущих родственников.

Пособники бандитов хитрили, разумеется, кого-то не вписывали в книгу. Стало быть, мы знали: в этой семье может появиться неожиданный «гость».

Олег сумел установить хороший контакт с местным населением.

И как результат – за сравнительно короткую командировку изъято 70 единиц огнестрельного оружия, схроны вскрывались один за другим».

Как-то Ильин со своими ребятами приехал по «адресу», однако нужного чеченца там не оказалось. Где он, никто сказать не мог. Предупредили брата и главу администрации о том, чтобы отсутствующий заглянул к «вымпеловцам».

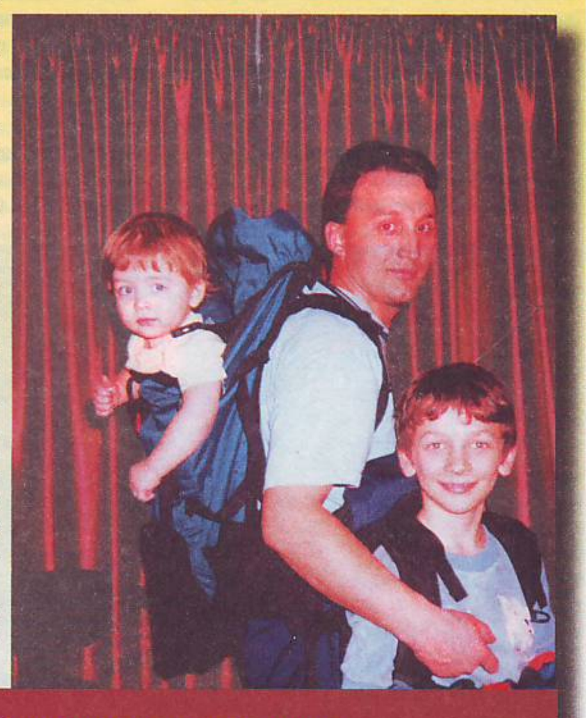
Он вскоре появился, стал рассказывать, что он мирный житель, строитель. *«Если ты мирный житель-созидатель,* – спросил его Олег, – *зачем вертолет обстрелял?»* «Строитель» сразу сник, понял, что в руках офицеров есть надежная оперативная информация.

После разговора «строитель» принес снаряды, которые закопал в огороде, сдал оружие.

«Такая информация, – сказал один из сослуживцев Ильина, – *сама в руки не приходит, надо пахать, чтобы ее добыть».*

Однако командировки в Чечню – это не только оперативная, профилактическая деятельность, выезды по «адресам», но и самая, что ни на есть боевая, если так можно выразиться, фронтовая работа. Что я имею в виду? Прежде всего жестокие боестолкновения с бандами террористов.

Об одном таком столкновении и хочется рассказать.

Сыновья О. Ильина были всегда готовы в поход

...Разведгруппа под руководством подполковника Ильина находилась в поиске семь суток. Стояло лето, но погода была осенняя – холодно, постоянно шел дождь, под ногами непролазная грязь.

Когда дождь утихал, над землей висел густой туман. Вырытый окоп сразу по колено заполняла вода.

На одной из точек, в засаде, бойцы Ильина провели трое суток – бандиты не появились. Вскоре поступил приказ сменить дислокацию, переместиться в другой квадрат. Прошла оперативная информация, что там должна появиться банда террористов.

Ильин с бойцами вошли в заданный район. Они осмотрели участок местности, закрепились на господствующих высотах. Хотя спрогнозировать было крайне сложно, каким маршрутом пойдут бандиты.

И тем не менее интуиция Олега не подвела. Террористы вышли прямо на него.

Ночью в тумане их удалось обнаружить заранее. Передвигались они осторожно, грамотно, впереди – головной дозор. Боевики головного дозора по тропе на высоту не пошли. Выключив фонарики, стали огибать вершину по кругу. Вскоре они оказались с другой стороны «вымпеловской» засады.

Складывалась весьма сложная тактическая обстановка. Теперь уже

бойцы засады оказались окруженными с обеих сторон. Куда сосредоточивать огонь? Если по основной группе боевиков, то их головной дозор ударит с тыла. Распылять огонь небольшой группы в разные стороны тоже не имело смысла. Бандитов было в два раза больше.

Напряжение росло. Решение должен был принять командир. Однако он терпеливо ждал.

В это время основная группа террористов тоже начала огибать высоту. И тут они почему-то решили выйти на вершину. Развернулись и цепью, осторожно стали приближаться к позициям наших бойцов.

Темно, видимость плохая, слышался только хруст валежника под ногами бандитов. Ильин подпустил их метров на семь, и «вымпеловцы» почти в упор открыли огонь.

Было убито четверо боевиков, судя по следам крови, многие ранены. В группе Ильина ранены два человека. Одного из боя вытащил сам командир.

Надо отдать должное: подполковник Олег Ильин умел ориентироваться в сложной боевой обстановке, принимал грамотные и взвешенные решения.

Вот как он действовал во время событий в «Норд-Осте». *«При подходе к зданию Театрального центра на Дубровке,* — вспоминает боец «Вымпела» Владимир К., — *на нашем пути был освещенный участок — 1-я Дубровская улица. А мы должны преодолеть мост и выйти к Институту человека. Тут по нам и ударили из автоматов с третьего этажа. Удалось укрыться за бетонными ограждениями. Можно было, конечно, попытаться прорваться, но это не лучший выход.*

Олег Ильин с ребятами находился в разведдозоре. Быстро послал двух человек на доразведку, они нашли новый безопасный маршрут, и группа перебежками покинула опасное место и вышла на рубеж штурма «Норд-Оста».

Теперь и командиры, и сослуживцы, вспоминая о нем, говорят, что Олег Ильин — это огромная потеря в коллективе и заменить его в полной мере пока некем.

Вот лишь некоторые отзывы о нем.

«Он знал кого и куда поставить, как действовать в сложной ситуации. Просчитывал все варианты.

«Есть люди, которые сами знают, опыт имеют, а передать другому не могут. Он мог, умел...»

«Стоит, к примеру, сложная боевая задача. Олег эту задачу каждому разъяснит, растолкует, разложит по полочкам. Каждому своя полочка. Смотришь, любо-дорого, все готовы, ничего не забыли, ничего не упустили».

«Ильин был человек легкий на подъем, взрывной. Быстро мог вывести из состояния апатии, оцепенения. Ускорителем был, скажем так».

Прекрасные слова, что говорить. Однако из всего предыдущего повествования можно сделать вывод, мол, Олег Ильин, кроме службы, ничего не знал, этакий прожженный вояка, влюбленный в профессию. Многие из его товарищей так и говорили: он круглые сутки думал о работе, о службе. Но лучше всех, на мой взгляд, сказала его жена, Аня, сама прапорщик, в прошлом десантник, имеющая за плечами десятки парашютных прыжков. «Знаете, это правда — он был предан работе и вместе с тем был предан семье».

5.

С будущей женой они познакомились в родной десантной части в Медвежьих Озерах. Аня была единственной женщиной в батальоне, а Олег — командовал сначала взводом, потом ротой связи. Вместе выезжали на парашютные прыжки, там и присмотрелись друг к другу.

Вскоре поженились. У обоих это был второй брак. Сына Анны от первого брака он принял как своего, родного. Хотя относился к нему требовательно, а порою и жестко. Воспитывал мужчину, защитника.

Младший Сережа родился в 1998 году. Он был любимый, желанный. Однако, положив жену в роддом, Олег «вылизал», вычистил квартиру и уехал в командировку. Тогда Аня крепко обиделась, но теперь понимает: он не мог не поехать, это была знаковая командировка.

Правда, забрать ее из роддома с маленьким сынишкой он все-таки успел.

Теперь она запуталась в его командировках, сколько их было за эти девять лет. Помнит только, что пропустил он всего одну, когда лег на операцию по поводу язвы желудка.

Зато когда возвращался из дальних странствий, он полностью принадлежал жене и сыновьям. Аню, например, терпеливо учил водить машину. И когда она въехала в столб и готова была расплакаться с досады, долго смеялся и успокаивал. Мол, что расстроилась, это же железо. И добавлял: «А водить машину ты научишься классно, поверь мне».

После «Норд-Оста» им дали наконец квартиру. Олег сам, своими руками делал ремонт, благоустраивал ее.

Любил сыновей. Сегодня Аня говорит, что у нее никогда не было сомнений относительно их будущего. Она знала: Олег не оставит их.

Из-за вечной занятости на службе Олега и ее самой в доме они не могли завести какую-либо живность, собаку, например. Но однажды, приехав с учений, Олег привез в сумке нечто крохотное и едва живое. Сбежалась вся семья.

Он показал животное маленькому сыну.

— Кто это такой?

— Мышка, — ответил тот.

— Нет, — смеется папа.

— Крыска.

— Нет..

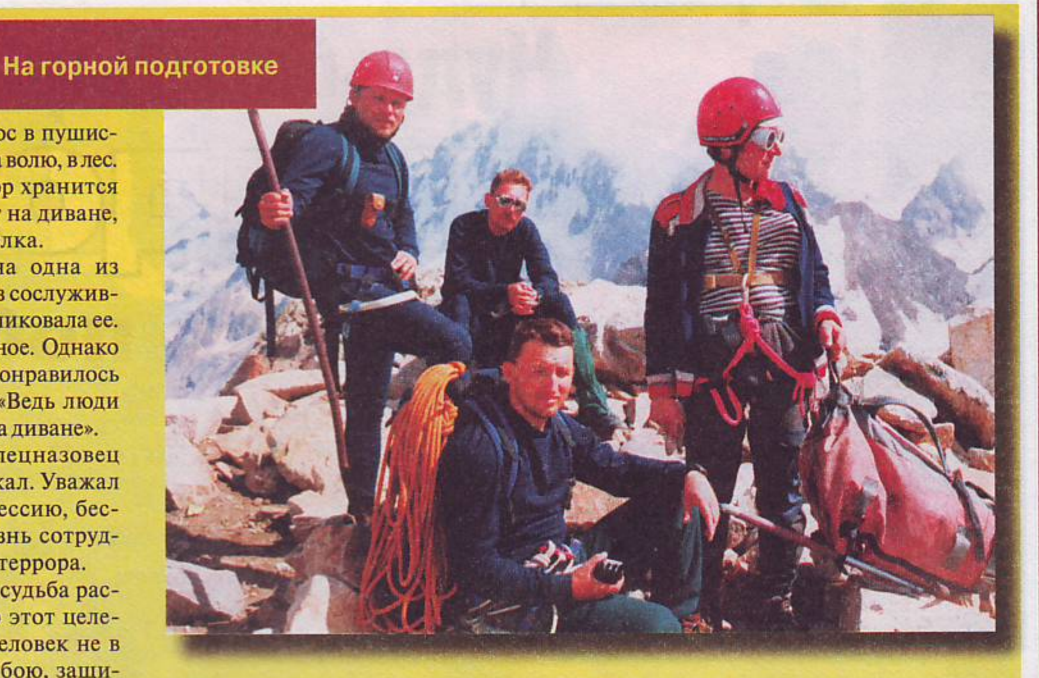
— Это бельчонок.

Оказывается, они нашли его в лесу брошенного, еле живого. У него не было еще зубов, и сыновья кормили бельчонка из пипетки, потом, когда он подрос, давали ему орехи, грибы-шампиньоны.

Подполковник О. Ильин ставит боевую задачу

На горной подготовке

А когда бельчонок вырос в пушистую белку, выпустили его на волю, в лес.

В их семье и до сих пор хранится фотография — Олег лежит на диване, а на груди у него играет белка.

После гибели Ильина одна из газет, раздобыв у кого-то из сослуживцев эту фотографию, опубликовала ее. Фото и вправду симпатичное. Однако Аня считает, что оно не понравилось бы Олегу. Он бы сказал: «Ведь люди подумают, что я валяюсь на диване».

Да, действительно спецназовец Олег Ильин диван не уважал. Уважал спорт, свою боевую профессию, беспокойную и опасную жизнь сотрудника подразделения антитеррора.

Может быть, поэтому судьба распорядилась так, что умер этот целеустремленный, смелый человек не в собственной постели, а в бою, защищая бесланских детей.

6.

Последний бой подполковника Олега Ильина. Каким он был?

Пусть о нем расскажут его боевые товарищи, которые шли с ним бок о бок.

Александр Б.: *«В Беслане Олег Ильин находился в одной группе со мной, которой была поставлена задача провести разведку на местности. Мы с ним излазили все, но самый лучший безопасный маршрут выдвижения выбрали. Ведь прежде, чем штурмовать объект, захваченный террористами, до него надо дойти.*

В дальнейшем Олег получил задачу провести окончательную доразведку, то есть промерить все дистанции, вплоть до каждого окна, из которого вели огонь террористы.

Потом согласовали наш план с приданной бронетехникой 58-й армии.

Он руководил группой сотрудников в составе 5 человек.

Происходит взрыв в захваченной школе. Об этом мне докладывает снайпер. Я подаю команду «Тревога!» Пока мы прибежали из штаба, группа Ильина уже вступила в бой, прикрывая выбегающих из здания заложников. Они вели огонь по окнам, чтобы подавить террористов, которые расстреливали детей.

Вскоре подтянули бронетехнику. Бандиты стали стрелять по БТРам из гранатометов.

Вот тут Ильин и Пудовкин получили ранения. Олегу осколок угодил в лицо, а Денису разбило приклад снайперской винтовки. Я предложил им выйти из боя, но они наотрез отказались, попросили оставить их.

После этого террористы стали перемещать заложников в классы на первом этаже и в столовую.

После того, как поступил приказ на штурм, Ильин руководил передовой группой. Его бойцы стали проникать в помещение через окно. А здесь — сильный пулеметный огонь, коридор школы простреливался.

Мы поднялись на второй этаж. Террористы стали оттягиваться. Наши шли двумя подгруппами. Олег двигался впереди».

Денис Т.: *«Второй этаж «зачистили» весь и сконцентрировались на самом опасном направлении — лестнице. Вышли на лестничную площадку. Вроде никого, внизу, правда, слышались какие-то перемещения. Но мы не могли стрелять или забрасывать гранатами, а если там свои?*

А «духи» пошли на прорыв через эту лестницу. Они метнули гранаты и бегом вверх.

Мы открыли по ним огонь, а они не падают. Всаживаешь 2-3 пули в бандита, а он бежит».

Александр Б.: *«У убитых потом обнаружили вколотые в вену катетеры для внутривенных инъекций, закрытые пробкой. Представляете, в бою трудно попасть шприцем, так у них уже иголка вставлена в вену, закрыта и примотана к руке. Для того чтобы быстро ввести наркотик.*

Словом, они пытались прорваться через наши боевые порядки».

Денис Т.: *«Впереди бежал пулеметчик. Он вел огонь, а в другой руке у него — граната. В него всадили две пули, а он все двигался. Потом наш снайпер, наконец, прикончил его. Но он успел ранить нашего сотрудника в колено.*

Мы заняли оборону. Вбегает второй бандит, снайпер кладет и его.

После этого они остановились на лестнице и стали забрасывать нас гранатами. Нам уходить некуда. Если побегут, будем стрелять в упор.

Они кидают гранаты и вперед. В этот момент мы уничтожаем троих террористов, но еще трое прорываются в актовый зал.

А у нас ситуация такова — раненый сотрудник и трое бандюг прорвалось по сути в наш тыл. Надо эвакуировать раненого. Но делать этого нельзя, следует сначала добить террористов.

Разбились на две двойки и пошли по разным сторонам вперед. Олег двигался первым вдоль противоположной стены.

Тем временем «дух», как оказалось потом, затаился на лестничной клетке. Он струсил и не побежал за остальными.

Александр Б.: *«Олег Ильин подойдя к углу практически лоб в лоб столкнулся с террористом. Они начали стрелять друг в друга. Если бы пули попали в бронежилет, это бы спасло Ильина, но они пошли снизу, под шлем, в незащищенные места.*

Получилось так, что Олег Ильин фактически закрыл собой группу, приняв основной удар на себя. Это был ближний бой на расстоянии штыкового удара».

...Когда это случилось, и командиру передали, что Ильин — «двухсотый», он не поверил. Олег был одним из опытнейших бойцов. Однако бой есть бой. Видимо, неспроста написал поэт: «Последний бой, он трудный самый...»

Чудо-богатырь против пиндоса. Кто победит?

С большим интересом прочитал материал Ростислава Мартынова («СУ» № 11/2004) даже несмотря на то, что он отзывается о моей собственной статье совсем не лестно. К сожалению, я сам дал повод, так как был местами недостаточно корректен. Разумеется, я имел в виду, что это иракцы допустили ошибку (предательство), не подорвав свои мосты, чтобы затруднить маневры американцев. И по вопросу применения авиации тоже мог бы поспорить, хотя большого смысла не вижу. Но главное, я ни слова не сказал о боевых качествах американского солдата.

Вообще смысл всей моей статьи сводился к утверждению, что война была выиграна столь быстро и столь малыми потерями по единственной причине – из-за запланированного предательства. Именно поэтому американская военная машина изначально не готовилась к реальным боям на земле, что и привело к известным отступлениям от канонов, на которые указывал в своем материале С. Батюшкин. И в этом я вижу один из основных уроков для России. Если уж в тоталитарном Ираке, где действовал прямой аналог НКВД, нашлось столь большое число высокопоставленных предателей, то что же говорить о «демократической» России? Впрочем, демократия тут ни при чем. С сожалением следует признать, что в нашей стране рядом с героями всегда было много перевертышей. Вспомним хотя бы русских бояр, толпами перебегавших к «Тушинскому вору» в Смутное время. Власов тут отдыхает.

Но хватит обо мне, как мог оправдался. Теперь о сути вопроса. Действительно, каковы янки в бою, может определить только тот, кто с ними сталкивался. Вот только не следует путать две проблемы – эффективность армии в целом и личную доблесть рядового состава. Современная полномасштабная (не террористическая) война ведется таким образом, что немалая часть солдат скорее всего погибнет, ни разу не выстрелив. Особенно это касается заведомо слабейшего противника. Немалая часть бойцов будет выведена из строя в период сближения и развертывания. Только очень немногие «счастливцы» сойдутся в непосредственном огневом контакте и смогут оценить индивидуальную «крутизну» противника.

Для иллюстрации этого утверждения трудно подобрать более наглядные примеры, нежели те, что привел Р. Мартынов. Во всех его исторических ссылках успех достигался подавляющим превосходством в авиации и артиллерии. И в этом смысле мастерство американцев неоспоримо. Только на относительно больших островах японцам удалось навязать ближний бой. Во всех остальных случаях они уничтожались с воздуха и огнем корабельной артиллерии, а пехота США лишь «зачищала» перепаханные позиции. Зато в начале войны, пока еще существовало техническое равенство сторон, японцы творили свой собственный блицкриг. В Афганистане и Ираке США повторили конец войны в Тихом океане один к одному.

Если бы наша армия в Чечне продемонстрировала хотя бы половину этого умения, мы бы не проиграли первую войну. Причем, говоря о мастерстве, следует иметь в виду не столько тех, кто непосредственно управляет боевой техникой, сколько тех, кто руководит ее применением. Хотя справедливости ради следует указать, наша армия не могла себе позволить сровнять Грозный с землей, хотя бы потому, что там оставалось много русских. Во вторую кампанию, насколько известно, уже не церемонились и даже бомбили то, что не нужно. Кирпичный завод, например.

Что касается разговоров о слабости американского среднестатистического солдата и о теплых сортирах, то все известные мне высказывания связаны с нашими миротворцами на Балканах, видевших «янкесов» в деле

и крайне низко оценивших их способность к самопожертвованию. То есть оценивших способность к той фазе боя, которая будет нечастой и мало что в авиационно-ракетной войне определяющей. Ну выбили молодецкой штыковой атакой противника из населенного пункта, а через полчаса над ним разгрузилась эскадрилья «Хорнетов» или своя артиллерия накрыла из-за поломки рации...

И все же, если говорить о доблести американцев, следует вспомнить достаточно известный пример, когда дорогу танковой дивизии перегородили 200 иракских ополченцев с автоматами. В принципе американцы могли, не сбавляя скорости, раздавить их гусеницами. Вместо этого они вызвали авиацию и артиллерию. Счет по потерям, если не ошибаюсь, был 186:0, однако американцы провозились там 8(!) часов. Задержать в маневренной войне врага на 8 часов – это в духе 28 панфиловцев. И будь на месте иракцев противник расторопнее, задержка могла бы дорого обойтись янки. Но в данном случае они остановки не боялись.

Обостренное по сравнению с другими народами нежелание видеть гробы под звездно-полосатым флагом, особенно усилившееся после Вьетнама, сделало основным видом боя подавление противника на расстоянии в условиях абсолютного огневого превосходства. И в деле сохранения солдатских жизней США добились без преувеличения впечатляющих результатов. Снижение риска для каждого отдельного солдата достигнуто путем технического (количественного и качественного) и организационного превосходства над противником. Причем стоит отметить один момент: учитывая количество задействованной техники, потери от «дружественного» огня могут считаться минимальными.

В принципе к этому стремятся абсолютно все. Но вот, к примеру, немцы никогда не отказывались сойтись грудь в грудь. В небе Югославии лихачили только французы, реже итальянцы. Что же касается нашей армии, то большие потери – это зачастую результат стремления исправить личной доблестью солдат организационные просчеты командования.

Этим подтверждается старая истина – имея в достатке деньги, качественное образование и промышленный потенциал, реально создать высокоэффективную армию, не требующую массового героизма. И наоборот, героизм есть неизбежная расплата за низкую общую эффективность. Отсюда следует вывод – нет смысла тягаться с американцами в том, что они умеют заведомо лучше. Единственный шанс одолеть их в сражении, это навязать вид боя, который они не любят и которого всячески избегают, то есть массовое, кровавое столкновение пехоты. Другое дело, что сделать это очень и очень непросто. Вьетнамцам на реке Иа-Дранг не удалось.

Исходя из этого рискну дать совет Ирану. В случае американского нападения не стоит бросать сухопутные силы через пустыню к Бендер-Аббасу в тщетной надежде скинуть десант США в море. Вместо этого следует навязать сухопутное сражение в Иракском Курдистане, в районе Басры (всего 15 километров от границы), а заодно в Азербайджане и Грузии, если там к тому моменту появятся американские базы. Это потребует от США такого напряжения сил и средств, что я не уверен в устойчивости их экономики и политической системы.

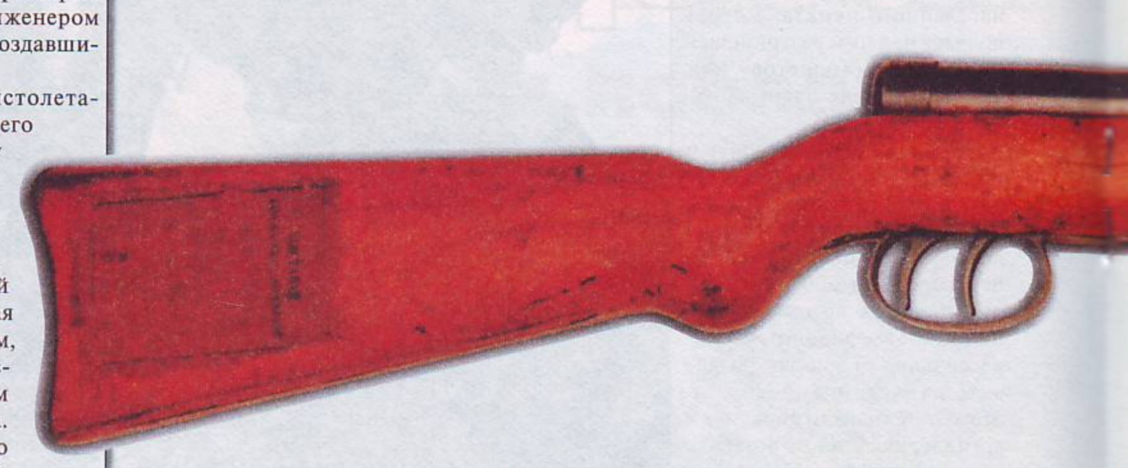
Разумеется, потери Ирана будут очень велики. Но они и от крылатых ракет будут велики, а что самое удручающее – безответны. И уж никак не больше, чем в войне с Ираком, где Иран, по некоторым данным, терял в среднем по сто тысяч человек в год. Но что самое главное, поражение в любом случае обойдется дороже. Это мы видим на примере того же Ирака.

А вот для России такой рецепт абсолютно неприемлем. Полностью согласен с Р. Мартыновым, обосновавшим неизбежность конфликта с США в недалеком будущем. Только у нас возможности сравнить нашего солдата с американским в рукопашной не будет. Нам не дадут шанса втянуть противника в сухопутные бои. Наша война будет идти на расстоянии в условиях массового предательства со стороны правящей элиты и средств массовой информации. И массовая мобилизация, скорее всего, будет только в силы МЧС.

Возможно, Космические войска и ПВО на какое-то время сумеют прикрыть основные экономические центры. Но по количеству крылатых ракет нам с Америкой не равняться. Мы уцелеем только в одном случае: если следующий президент абсолютно недвусмысленно продемонстрирует готовность применения и техническое совершенство ядерного оружия.

А в этих условиях выяснять справедливо или нет прозвали американских пехотинцев пиндосами и сравнивать их с суворовскими чудо-богатырями становится абсолютно бессмысленным.

С уважением
Михаил Королёв,
г. Череповец.

Пистолет-пулемет «Mors» (смерть – *лат.*) под патрон 9x19 «парабеллум» разработан в конце 30-х годов прошлого столетия профессором Петром Вильневчицем и инженером Яном Скрипинским, ранее создавшими армейский пистолет «Vis».

Общая компоновка пистолета-пулемета «Mors» и принцип его действия аналогичны самому первому образцу пистолета-пулемета – MP18.1, созданного Луисом Шмайссером и его сыном Гуго в 1918 году. Основными признаками этой аналогии являются деревянная ложа с массивным прикладом, откат свободного затвора с жестко установленным ударником и стрельба с заднего шептала. Ложа имеет дополнительную рукоятку управления, расположенную примерно по центру тяжести оружия между спусковой скобой и вертикально расположенным прямым магазином. Внутри рукоятки имеется раздвижной упор из трех телескопических стальных трубок. Конструкция и расположение такой рукоятки с раздвижным упором заимствованы у немецкого пистолета-пулемета ЕМР, разработанного в 1930 году на Эрфуртской фирме «Эрма» Генрихом Фольмером. «Mors» снабжен быстросменным стволом по образцу финского пистолета-пулемета «Суоми». Элементами собственной разработки являются пневматический замедлитель темпа стрельбы, два спусковых крючка для стрельбы одиночным огнем и очередями и механизм, останавливающий затвор в заднем положении по израсходовании последнего патрона и одновременно выключающий защелку магазина.

История создания «Mors» такова. После Первой мировой войны командование Войска Польского не проявляло особого интереса к пистолетам-пулеметам, хотя в специальной литературе того периода активно комментировался опыт использования этого вида оружия в боливийско-парагвайском конфликте и в Китае.

Некоторый интерес был проявлен со стороны полиции, закупившей еще в 1926 году 50 американских пистолетов-пулеметов «Томпсон» обр. 1921 г. и позже (примерно в 1936 г.) 100 финских пистолетов-пулеметов «Суоми».

Но, ощущая дыхание приближающейся войны, польское командование взяло курс на разработку автоматического оружия для армии. Из ряда предлагавшихся тогда проектов первенство было отдано отечественному, разработанному создателями польского пистолета «Vis». После воплощения проекта в металл оказалось, что на этот раз интуиция овеянных славой конструкторов отличного пистолета их подвела – результаты испытаний были провальными. Главными недостатками оказались слишком высокий темп стрельбы – 1200 выст/мин – и неприемлемо большой разброс попаданий. Но армейские представители проявили интерес к этому (пока еще безымянному) оружию и предложили доработать его с учетом их замечаний. Доработка была произведена в конструкторском бюро Варшавского оружейного завода группой конструкторов под руководством П. Вильневчица. Ведущими исполнителями были инженеры Феликс Модзелевский (активный участник создания пистолета «Vis») и Юрий Подсендковский (в 1944 году автор польского прототипа «Uzi»). За эталон был выбран пистолет-пулемет ЕМР, к характеристикам которого по темпу стрельбы (520 выст/мин), начальной скорости пули, меткости и рассеиванию попаданий польские конструкторы решили стремиться.

В апреле 1938 года был проверен, сравнительно с ЕМР, второй образец, основательно переконструированный и уже получивший наименование «Mors». Результаты сравнения были не в пользу «Mors». По мнению испытателей, виной продолжающегося высокого разброса попаданий, как при одиночном огне, так и при стрельбе очередями, были излишнее снижение веса оружия, все еще высокий темп стрельбы (750 выст/мин), меньшая, по сравнению с ЕМР, на 12 м/с начальная скорость пули из-за более короткого (на 110 мм) ствола и свободной (поскольку ствол сменный) посадки его в кожух. Кроме этого, стрелки жаловались на непривычный для них диоптрический прицел с относительно короткой линией прицеливания и излишне длинный приклад в паре с передней рукояткой, охватывавшей горловину магазина. В общем, и это оружие оказалось далеким от идеала. Ненамного лучше оказался и следующий вариант пистолета-пулемета – «Mors-2». Характеристики, удовлетворившие армейского заказчика, конструкторы получили лишь на четвертом образце. В конечном итоге был увеличен вес оружия, диоптрический прицел заменен обычным, удлинен ствол, а рукоятка с телескопической подпоркой размещена между спусковой скобой и магазином. Заводские испытания этой модели проведены в конце 1938 года. По мнению современных польских специалистов, и по этому образцу могли быть высказаны замечания, однако уже чувствовалось приближение войны и «Mors» был запущен в серию. Первые пистолеты-пулеметы поступили в армию и полевую жандармерию в июне 1939 года.

Польскими экспертами также отмечается, что «Mors» не нуждается в меха-

Польский 9-мм пистолет-пулемет

Wz.39 «Mors»

Основные характеристики

Калибр, мм	9
Вес без магазина, кг	4,25
Емкость магазина, патр.	24
Темп стрельбы, выстр/мин	400–450
Длина пистолета-пулемета, мм	963
Длина ствола, мм	294
Вес ствола, кг	0,6
Вес затвора, кг	0,7
Ход затвора, мм	124
Тип патрона	9х19 «парабеллум»

низме изменения вида огня – при темпе стрельбы 450 выст/мин не составляет особого труда отсекать один выстрел из очереди. Заимствованная у ЕМР телескопическая подпорка не снижает разброса попаданий (на серийных ЕМР подпорка была устранена). Сменный ствол совершенно не нужен. Сложность механизма, останавливающего затвор в крайнем заднем положении по израходовании патронов и одновременно выключающего защелку магазина (он состоит из 10 деталей), заставляет сомневаться в целесообразности его использования. Пневматический замедлитель малоэффективен.

Экспертиза «Солдата удачи» дополнительно отмечает, что этот замедлитель может быть неправильно установлен, однако это не препятствует ведению огня. Замечено также, что детали оружия отличаются очень высоким качеством изготовления, но конструктивное их исполнение с точки зрения технологичности оставляет желать лучшего.

«Прекратите бряцать аргументом...»

Признаюсь: одно из самых приятных занятий в редакционном процессе – знакомство с почтой. Во всяком случае, для меня. Тут уж ясно и четко видно, как твое слово отозвалось и отозвалось ли вообще.

Можем с гордостью сказать, что наши слова чаще всего отзываются в сердцах и душах читателей. Разумеется, отзываются они по-разному. Иногда признанием, похвалой, иногда несогласием с мнением автора статьи, а порою и критикой. Бывают и крайне рассерженные письма, когда читатель не стесняется в выражениях. И тут уж попадает и редакции, и тем, кто пишет в редакцию и публикуется.

Недавно такое письмо пришло от В.Г. Швыдкова (к сожалению, он не назвал свои имя-отчество) из Москвы.

Господин Швыдков начинает с критики статьи «Беслан. Загадки трагедии», опубликованной в № 1 за 2005 год. Однако по мере чтения его письма я понимал: дело не в конкретном журнальном материале. Болит душа у человека за безопасность наших граждан и, разумеется, за собственную безопасность.

«Почему пишу данное письмо? – спрашивает Швыдков. – *Да потому, что имею право. Я в настоящее время являюсь, к моему сожалению, тем самым мирным жителем – обывателем, которого наши правоохранительные органы (там же и органы антитеррора) взялись защищать, но делают это весьма не умело. Для чего все эти разноцветные береты, центры исследований и подготовки личного состава, сонм высших чинов? Пока только растрата денег налогоплательщиков»*.

Ну что ж, резко, но во многом справедливо. Под этими словами могли бы подписаться тысячи и тысячи граждан России, которые не чувствуют себя в безопасности в родной стране.

А далее идет детализация, и автор письма начинает разбирать конкретную ситуацию – нападение террористов на школу в Беслане 1 сентября прошлого года.

Разборку он устраивает крутую, постоянно употребляя слова «позор», «наломали дров», «после драки кулаками не машут», «срам».

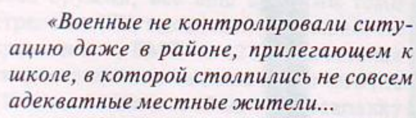
Пусть эти крепкие выражения останутся на совести автора, дело в конечном итоге не в них, а вот в сути вопроса следует разобраться. Ибо, сдается мне, Швыдков в своем мнении не одинок.

Первое, на что обрушивается автор письма, – поведение местных жителей в районе школы. По ходу попало и редакции. *«Типичная позиция жителя России – и рыбку съесть и... В итоге получается, к мнению местных прислушались, что мы видим исхода даже из фото, представленных в статье. На одном под названием «Спецназ готов к боевой работе» наблюдаем толпу гражданских, которые ближе к школе, чем спецназовцы. Также на фото, изображающем отдельных спецназовца и штатского, опять же штатский впереди. Вы что, специально такие фотографии поместили?»*

Разумеется, специально. Фотокорреспондент лишь отобразил, что было в жизни. Или надо было устроить так называемую «постановочную съемку» – за руку вывести спецназовцев впереди штатских и таким образом «отлакировать» действительность. К тому же, насколько я понимаю, толпы штатских, местных жителей играли только на руку террористам. Они мешали работать бойцам антитеррора, в толпе легче было укрыться информаторам террористов, которые по мобильным телефонам сообщали бандитам о передвижении спецназовцев. В конечном итоге, как по одной-двум фотографиям в журнале можно судить о том, верное ли место заняли спецназовцы?

Так что, сдается мне, в опубликовании этих фото ничего предосудительного нет.

Однако Швыдков, безусловно, прав в том, что местные жители должны находиться не у школы, а за оцеплением. Он несколько раз возвращается к этой мысли.

«Военные не контролировали ситуацию даже в районе, прилегающем к школе, в которой столпились не совсем адекватные местные жители...

А ведь вина в пропорциональном отношении лежит и на мирных жителях, которые своим болезненным любопытством, удалью, отсутствием элементарной дисциплинированности и способности управлять собой активно мешали работе военных. Всех гражданских лиц необходимо эвакуировать, а если сопротивляются, то и гнать за километр от места событий. Это что для военных – откровение.

Ответственность лежит и на рядовых бойцах за то, что халатно выполняли приказы командиров, а именно: допустили зевак к нахождению в своих боевых порядках и прямому участию в операции.

Основная вина конечно же на старших командирах и руководителе операции. Почему не задействована местная милиция для блокирования района операции?»

Как раз-таки она и была задействована. Да вот не смогла, не сумела выполнить свою задачу. В Москве, например, в «Норд-Осте» смогла, а вот в Беслане, нет. Как вы думаете, почему?

По многим причинам. И о них несложно догадаться. Да, господин Швыдков, Беслан не Москва, а Цент-

ральная Россия – не Северный Кавказ. Вряд ли я соглашусь с вами, что местные жители в эти трагические часы проявили «болезненное любопытство и удаль», а вот то, что они теряли самообладание и «способность управлять собой» – это факт. Только не знаю, окажись там ваши дети, мои, насколько мы смогли бы соблюдать «элементарную дисциплинированность».

Мне пришлось говорить со многими бойцами антитеррористических подразделений «Альфа» и «Вымпел». Один из них мне задал вопрос: «Кто, какая сила может оттеснить обезумевшего от горя отца, у которого дети в руках террористов? А если еще у этого отца на груди автомат Калашникова? Да он готов убить любого, кто встанет на его пути».

Так что теоретически господин Швыдков прав. Ни для кого не является откровением, что первым делом следует блокировать место спецоперации и убрать за оцепление всех посторонних. Но увы, от теории до практики порою огромная дистанция.

К глубокому сожалению, не смогли эту дистанцию преодолеть и осетинские милиционеры.

Далее наш рассерженный читатель пишет: *«Самое главное оправдание неудач – это то, что кадры старые ушли, а новых еще, видите ли, не подготовили.*

...Прекратите бряцать данным аргументом о кадрах и винить во всем Бакатина. Сколько вам надо столетий на подготовку?»

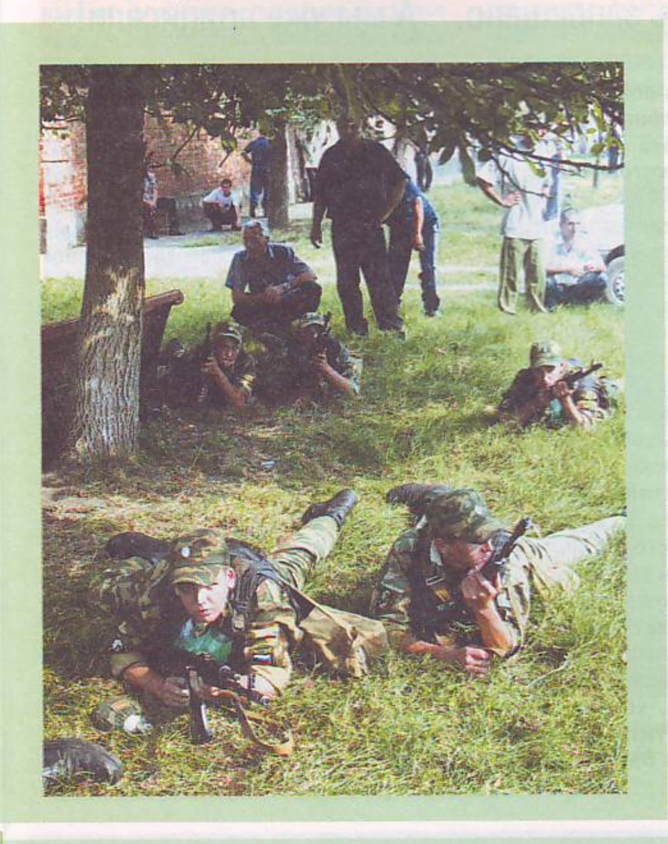
А тут знаете, господин Швыдков, бряцай не бряцай, но это именно так. И, откровенно говоря, подготовкой этих кадров стали заниматься только в последние годы. Ибо в ельцинскую эпоху занимались противоположным. И именно тому же Бакатину была поставлена ясная и четкая задача – развалить спецслужбы, уничтожить КГБ. Об этом, не стесняясь, говорили с высоких трибун.

А ведь предотвращение терактов – это долгая, кропотливая оперативная работа. Но, чтобы подготовить те самые кадры оперативников, нужны не год, не два. Ну, может, и не столетия, как пишете вы, но десятилетие уж точно.

Да еще и авторитет оболганных и очерненных спецслужб надо поднять в глазах народа, чтобы служить в них было достойно и почетно и чтобы лучшие представители молодежи считали за честь надеть погоны офицера ФСБ. Пока этого нет. И по мановению волшебной палочки такого не добьешься. Да и где она, волшебная палочка.

Горько и вроде как банально говорить, но надо сказать, ибо не все понимают: разрушать легко, создавать тяжко. Где были нынешние горячие обвинители, когда в 90-е годы прошлого века буквально истребляли спецслужбы? Молчали. Или сами находились в рядах гонителей. А теперь как же, страшно, некому защитить нас от террористов.

Далее по ходу своего письма наш читатель говорит о *«мотострелковых подразделениях, которые показывают свою полную непригодность к каким-либо осмысленным действиям»* и о *«тенденции использования специальных подразделений в качестве обычной пехоты»*. Однако потом опять продолжает тему терроризма.

«Террористы, – утверждает Швыдков, – *пошли какие-то неправильные. Действуют не по шаблонным учениям с танками и ракетами (это я об учениях на побережье Тихого океана), а все более изобретательно. ...А наши учатся на «показухе», бутылки о дурные головы бить да автобусы освобождать от террористов-дебилов типа Якшиянца. Это, наверное, предел возможностей отечественных борцов с террором».*

Ну что тут скажешь? Террористы, действующие изобретательно, то бишь по Швыдкову, «неправильные террористы», были всегда. Если взять, к примеру, советскую историю терроризма, так и припомнить трудно тех, кто действовал по «шаблону учений с танками и ракетами».

Все были изобретательны, изощренны. Подолгу готовились. Даже самый, по современным меркам, «малоопытный» террорист Власенко, пробравшийся в 1979 году в американское посольство, изготовил бомбу такой мощности, что мог нанести большой вред и зданию и дипломатам.

А уж заявлять, что Якшиянц, захвативший автобус с детьми, – «террорист-дебил», по меньшей мере некорректно.

Якшиянц – опытный, матерый рецидивист, сколотил преступную банду и долго, тщательно готовился к теракту. Потом на суде он признается, не один месяц собирал печатные материалы о терактах, которые совершались не только на территории Советского Союза, но и за рубежом. Изучал почерк террористов, анализировал действия, ошибки своих предшественников.

Он неспроста захватил детей, подготовил оружие, расставил в салоне банки с бензином. Расчет его был верен – когда в заложниках дети, власти намного сговорчивее.

А известно ли вам, господин Швыдков, что этот «дебил», угрожая детям, заставил руководителей страны пойти на беспрецедентный в истории борьбы с терроризмом шаг – выдать бандитам стрелковое оружие и бронежилеты.

Переиграть Якшиянца и его банду удалось только благодаря совместным усилиям спецслужб, правоохранительных органов, летчиков гражданской авиации, дипломатов, а также пониманию и помощи государства Израиль. И это тогда, когда у нас с этой страной не было дипломатических отношений.

Так что про Якшиянца это вы зря, господин Швыдков.

А закончить наш разговор хотелось бы вашими словами: *«...Верю, что при грамотном, основанном не на эмоциях, вдумчивом подходе к ситуации у террористов нет шансов на успех».*

Вот именно, при вдумчивом, грамотном подходе. А эмоции, крепкие словечки оставим при себе. Думается, они делу не помощники.

С уважением
М. Ефимов.

Олег ДУНАЕВ
Владимир СЕМОЧКИН
Фото из архива авторов

«Страховой полис» режима Менгисту

В 70-е и 80-е годы XX века с ростом масштабов боевой службы советского ВМФ в Мировом океане ежегодно находилось свыше ста надводных кораблей и до тридцати подводных лодок. Перед военными моряками в то время остро стал вопрос их материально-технического обеспечения и ремонта. По замыслу главнокомандующего ВМФ СССР Адмирала Флота Советского Союза С. Горшкова эту проблему должна была решить сеть советских военных баз, «расположенных во всех оперативно важных районах мира». По принятой тогда традиции, такие базы скромно назывались пунктами материально-технического обеспечения (ПМТО).

К концу 70-х – началу 80-х годов советский ВМФ успел создать ПМТО в Египте, Сирии, Сомали, Анголе, Эфиопии, на Кубе, во Вьетнаме и Южном Йемене. Такие базы не только служили для ремонта боевых кораблей, посадок транспортной, стратегической разведывательной и противолодочной авиации ВМФ, отдыха советских экипажей, но и являлись своеобразным гарантом стабильности в этих странах. Так советский посол в Аддис-Абебе Л. Миронов свидетельствовал, что ПМТО на архипелаге Дахлак был для руководителя Эфиопии Менгисту Хайле Мариама «все равно, что страховой полис нашей, прежде всего военной, поддержки его режима». Советская база «нависала со стороны порта Массауа над тылами оппозиционного Фронта освобождения Эритреи, а блокированные эфиопские войска получали с Дахлака не только танкеры с пресной водой, но и огневую поддержку».

Мы предлагаем читателям воспоминания двух ветеранов советского ВМФ. Один из них, капитан 1 ранга Олег Дунаев, стоял у истоков создания ПМТО в Эфиопии, а другому, капитану 1 ранга Владимиру Семочкину, пришлось присутствовать на завершающем этапе существования базы.

Олег ДУНАЕВ: «Подписывать запрещено… А мы уже подписали!»

В конце 1977 года появилась возможность создать в Эфиопии ПМТО. Для Адмирала Флота Советского Союза С. Горшкова, который мечтал видеть советский ВМФ мощным океанским ракетно-ядерным флотом, каждое такое соглашение было, «как бальзам на душу». Рассказывают, что, когда ему доложили о возможности создания нашей мощной базы в йеменском Адене, он чуть ли не хлопал в ладоши от радости.

В Эфиопии нами рассматривались два порта: Массауа и Ассаб. Но первый был захвачен эритрейскими «сепаратистами», а второй слишком мал, к тому же через него шел весь грузопоток в страну. Тогда чисто умозрительно по картам и лоциям выбрали архипелаг Дахлак в Красном море. Но что он из себя представляет – не знали. Для проведения рекогносцировки в Эфиопию была направлена военная делегация экспертов, которую возглавил первый заместитель начальника Главного штаба ВМФ адмирал П. Навойцев.

В Эфиопии нас встретили далеко не с распростертыми объятиями: командование эфиопских ВМС состояло сплошь из офицеров, получивших подготовку на Западе, и относились они к нам, мягко говоря, недоверчиво. Но уклоняться от переговоров не посмели: тогдашний диктатор Эфиопии Менгисту, провозгласивший «социалистический выбор», был крут на расправу.

После того, как делегация получила принципиальное согласие на развертывание ПМТО, мы попросили показать нам архипелаг. Добраться до него можно было только через столицу Эритреи Асмару, которая находилась в блокаде. Летели туда на каком-то крохотном «брезентовом» самолетике, ведомом эфиопом. Когда пролетали над кольцом окружения, сепаратисты открыли бешеный огонь из стрелкового оружия, в крыльях появились пробоины. Однако нам повезло, летчику удалось прорваться, и вскоре самолет благополучно «плюхнулся» прямо на главную улицу Асмары. Переночевали

в отеле, где не было ни воды, ни света, зато в изобилии имелось вино и прочие деликатесы. Даже лицо и руки за неимением ничего другого пришлось мыть... во французском шампанском!

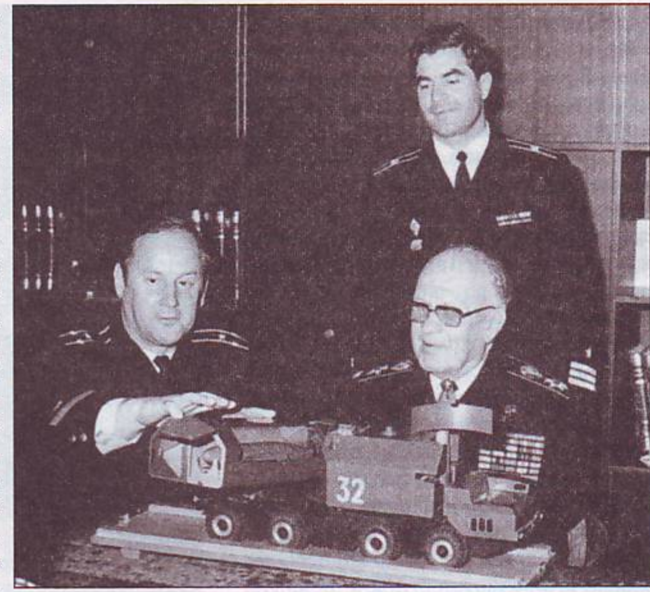
Ранним утром вылетели на архипелаг, эритрейцы на этот раз нас «прохлопали». Покружившись над разбросанными по морю безжизненными клочками суши, решили садиться на самый крупный из островов – Дахлак. Он представлял собой плоскую, как блин, песчаную поверхность, кое-где «приподнятую» барханами и чахлыми рощицами финиковых пальм. При итальянцах здесь была каторга, на острове даже сохранились остатки тюремных построек и стен. Местечко, прямо сказать, невеселое.

Затем решили осмотреть остров Нокра, где изрезанность берега и глубины позволяли установить плавучие причалы и док, а также принять плавмастерскую. То есть это место было вполне подходящим. Правда, в душе мы лелеяли мысль, что, когда будет освобожден Массауа, ПМТО удастся перевести туда. Уверенность в этом подкрепляло сосредоточение на архипелаге десантной дивизии правительственных войск, готовящихся захватить порт.

Сообщив эфиопам о результатах рекогносцировки и своем выборе, возвратились в Москву. Там я сразу приступил к разработке проекта соглашения, в котором учитывались все наши потребности, а также поправки и пожелания, внесенные местной стороной.

В начале 1978 года делегация практически в том же составе вылетела в Аддис-Абебу для подписания соглашения. Переговоры шли довольно успешно, удалось достичь согласия почти по всем пунктам, но вдруг перед самым финалом эфиопы потребовали изменить статью об уголовной ответственности наших военнослужащих за преступления, совершенные в период пребывания в Эфиопии. Наш вариант, естественно, предполагал, что они подлежат советской юрисдикции. Оппоненты настаивали на ведении этих дел местными органами юстиции.

Достигнутое по основным вопросам согласие грозило рухнуть. Заместитель начальника Главного штаба ВМФ П. Навойцев колебался. Все члены делегации доказывали ему, что нельзя подписывать соглашение по эфиопскому варианту. Однако адмирал посчитал, что основная задача – создание ПМТО – решена. Поэтому настоял на подписании документа. Наши доводы и уговоры остались без внимания.

■ Адмирал Флота Советского Союза С. Горшков и капитан 1 ранга О. Дунаев (слева) обсуждают модель берегового ракетного комплекса, поставляемого в страны третьего мира

После подписания соглашения состоялся прием. Я же, как обычно это делалось, отправился в соседнее помещение накладывать на подписанные тексты сургучные печати. Но тут зашел наш руководитель и приказал ехать на КП главного военного советника, где была ВЧ-связь, узнать, что есть для нас из Москвы. Я связался с оперативным дежурным Главного штаба ВМФ, и он сразу сказал: «Вам подписывать соглашение запрещено». В ответ я только пролепетал: «А мы его уже подписали». «Ну, пеняйте на себя!» Делегация улетала в Москву с подписанным соглашением, но всех угнетала мысль: что нас ждет?

...В аэропорту Шереметьево нас ожидала целая «следственная» комиссия. Рассадили по разным углам и стали дотошно допрашивать: кто чего говорил, делал и т.п. Не знаю, что выслушал впоследствии Петр Николаевич Навойцев, для него это был тяжелый период. Дня через три после прилета, ночью, у меня на квартире зазвонил телефон, и знакомый «шаляпинский» голос (Навойцева за глаза называли за хриплый бас Шаляпиным) прорычал: «Немедленно поезжайте в Генштаб и делайте все, чтобы изменить эту проклятую статью. Машину высылаю».

В Генштабе пришлось выслушать массу нелицеприятных слов в адрес Военно-морского флота и в свой лично. Однако удалось выяснить, что нам «крупно повезло» – на днях в Москву приезжает министр обороны Эфиопии и Генштаб намерен предложить ему изменить дискредитирующую нас статью.

■ Руководитель советской делегации адмирал П. Навойцев с командующим ВМС Эфиопии Тесфайе Берхану. В центре капитан 1 ранга О. Дунаев. Аддис-Абеба, 1978 г.

К утру я написал дополнение к соглашению, отпечатал его на специальной «договорной» бумаге и передал офицеру –направленцу 10-го Главного управления Генштаба. Навойцев, выслушав мой доклад, приказал: «Держите на непрерывном контроле». Через некоторое время мы узнали, что дополнение к соглашению подписано и вступило в силу. Так закончился этот печальный и в определенной степени позорный инцидент, послуживший нам хорошим уроком на будущее.

ПМТО на острове Нокра сыграл большую роль в обслуживании сил боевой службы советского ВМФ в Индийском океане. Наши корабли и суда всегда могли там отремонтироваться, пополнить запасы. Эфиопы в конце концов тоже поняли всю выгоду для себя от такого соседства. Они широко использовали его возможности для ремонта своих кораблей и катеров. Пользовались услугами ПМТО на Нокре и корабли других «дружественных флотов», причем на безвозмездной основе.

Наши сети притащили… гигантскую черепаху. Капитан 1 ранга В. Семочкин. ПМТО, остров Нокра, Эфиопия

Владимир СЕМОЧКИН: «Дыхание войны чувствовалось во всем…»

В начале 1988 года мне было предложено отправиться в качестве старшего группы специалистов-ремонтников и старшего инженера по организации ремонта в ПМТО, располагавшийся на острове Нокра. Готовясь к командировке в экзотическую африканскую страну, всегда задумываешься, какие опасности ждут впереди. Жара, влажность, малярия, желудочно-кишечные заболевания, акулы, змеи, другая агрессивная местная фауна – все это воздействует на человека не только в самой Африке, но и, бывает, вызывает негативные последствия даже через несколько лет. Как-то один москвич в ответ на сообщение об убытии в подобную командировку услышал такую сентенцию: «Поздравлять не буду. У нас один съездил, возвратился довольным, а через полгода помер...»

В Эфиопии нам предстояло работать в настоящей боевой обстановке. Несмотря на то, что основные морские базы Массауа и Ассаб находились под контролем правительственных войск, повстанцы смогли организовать мелкий, но мобильный флот, состоящий из катеров и надувных лодок, вооруженных стрелковым оружием и гранатометами. Он базировался в небольших бухтах материка и на... архипелаге Дахлак в непосредственной близости от ПМТО. Бывало, что повстанцы нападали и на советские суда. Так, весной 1983 года эритрейские катера обстреляли наш транспорт, в результате чего погиб один моряк.

Поставленные в Эфиопию советские военные корабли были хорошим средством в борьбе с повстанцами. Наибольшей эффективностью отличались сторожевики 159А, оснащенные артустановками АК-726. Эритрейские катера опасались к ним приближаться: артустановки на расстоянии меньше прицельной дальности уничтожали их с первого залпа. Однако к тому времени корабли уже имели солидный срок службы, к тому же эксплуатировались в условиях агрессивной водной среды Красного моря. Вот их-то и предстояло отремонтировать советским специалистам.

Наша группа прибыла в Аддис-Абебу самолетом 7 октября 1988 года. Затем «транспортником» мы были доставлены в Асмару, где нас встретил командир вертолетного отряда авиации ВМФ полковник А. Фомин. Здесь уже во всем чувствовалось дыхание войны. Через несколько часов вертолет с нашей группой на борту взял курс на остров Нокра...

Бытовые условия на ПМТО к тому времени были уже достаточно комфортными. Офицеры с семьями жили в сборно-щитовых домах, остальные специалисты – в общежитии и казарме. Имелись также медицинская часть с лазаретом, две бани-сауны, клуб. Все жилье и служебные помещения были оборудованы автономными кондиционерами и бытовыми холодильниками, электричество подавалось круглосуточно от дизельной электростанции. Питьевую воду завозили танкерами и хранили на берегу в металлических резервуарах.

Нашу группу разместили в общежитии по 2-3 человека в комнате. Здесь же готовили и пищу. Часть зарплаты, необходимую «для пропитания», финансист ПМТО полковник Боровицкий раз в месяц привозил из Аддис-Абебы, после чего следовала поездка в столицу за продуктами для всех обитателей пункта и товарами для нештатного ларька. Продажа крепких напитков запрещалась.

«Неудобств» хватало – жара, доходившая до +40°С и выше, 100% влажность, желудочно-кишечные заболевания. Однако главную опасность на острове представляли змеи, особенно два вида: эфы и мамбы. Старожилы Нокры рассказывали, что в первые годы во время строевых занятий матросы давили по одной эфе через каждые 50 метров. (Кстати, уже в первый день мы узнали, что накануне ночью в казарме эфа напала на матроса. Сыворотка у медиков была, и все обошлось.)

Мамбы были гораздо страшнее. От ее яда не существует противоядия, и при укусе человек умирает уже через 30 минут. На острове эти твари встречались реже, чем эфы, но тоже были. Как-то во время приборки на береговом механическом участке один из матросов поднял крышку ящика с ветошью и увидел «красивую ленту», похожую на поясной ремень. Матрос протянул было руку, но вовремя сообразил, что перед ним змея. Это и оказалась смертельная мамба, тут же, впрочем, убитая.

...Ремонт продвигался по плану, и к июню 1989 года мы готовились завершить восстановление боеготовности первого корабля. Однако за месяц до окончания работ из Аддис-Абебы пришло известие, что там подавлена попытка государственного переворота. В то время, когда Менгисту Хайле Мариам находился с визитом в ГДР, высшие военные чины собрались в здании генштаба и объявили о захвате власти. Президентская охрана окружила здание и жестоко расправилась с путчистами – тех, кто не успел покончить с собой, расстреливали на месте; лица, арестованные за пределами генштаба, бесследно пропадали в тюремных застенках. Среди последних оказался и командующий ВМС контр-адмирал Тесфайе Берхану. Однако, к счастью, те эфиопы, кто курировал ремонт кораблей на ПМТО, под репрессии не попали и общий график работ не нарушался. События в столице наложили заметный отпечаток на поведение эфиопских офицеров – в их действиях и суждениях пропала прежняя уверенность.

Ремонт первого корабля мы закончили в срок. На завершающем этапе ходовых испытаний корабль зашел в Массауа, где принял на борт нового командующего ВМС и доставил его на Нокру. Приятно было видеть, как помолодевший после ремонта сторожевик на полном ходу преодолевал расстояние от базы до острова. Первый этап нашей работы завершился проводами домой специалистов-газотурбинистов. В Эфиопию они должны были вернуться через полгода, когда по графику начинался ремонт турбин второго корабля.

...Восемь месяцев работ в непривычных климатических условиях дались непросто. Почти все мои коллеги резко потеряли в весе. Многие ощущали недомогание, жаловались на повышенную температуру. Особенно тяжко стало к лету, когда столбик термометра застыл на отметке +45°С. Кое-кто запросил таблетки, а другие стали налегать на джин. Хотя запрет на спиртное оставался в силе, наши специалисты, освоившись с обстановкой, добывали его через коллег – эфиопов, с которыми уже давно сдружились. За злоупотребление «огненной водой» пришлось даже одного специалиста возвратить на Родину досрочно.

Вскоре стало ясно, люди нуждаются в разрядке: нормальном отдыхе, свежем мясе, чистой воде, привычной, непринужденной обстановке. Командование ПМТО решило организовать нам такую «разрядку» в выходные, совпавшие с Днем Военно-морского флота. Группу на вертолете отправили в Асмару, где наши летчики имели несколько свободных квартир. Была предоставлена возможность ознакомиться с городом, посетить «толкучку», кегль-бар, кафе, отведать натуральных эфиопских блюд. На одной из квартир «семейно» отметили наш флотский праздник. Поездка себя оправдала, повысив тонус приунывших было земляков. Такие «увольнения на берег» практиковались и в последующем.

Ремонт второго корабля проходил труднее. Сказывались усталость людей, изнуряющая жара, уменьшение запасов материалов и запчастей, пополнение которых требовало времени. К тому же техническое состояние этого корабля было хуже, чем первого: когда в июне 1989 года его поставили в док, оказалось, что вся подводная часть обшивки корпуса в носовой части продавливается пальцами...

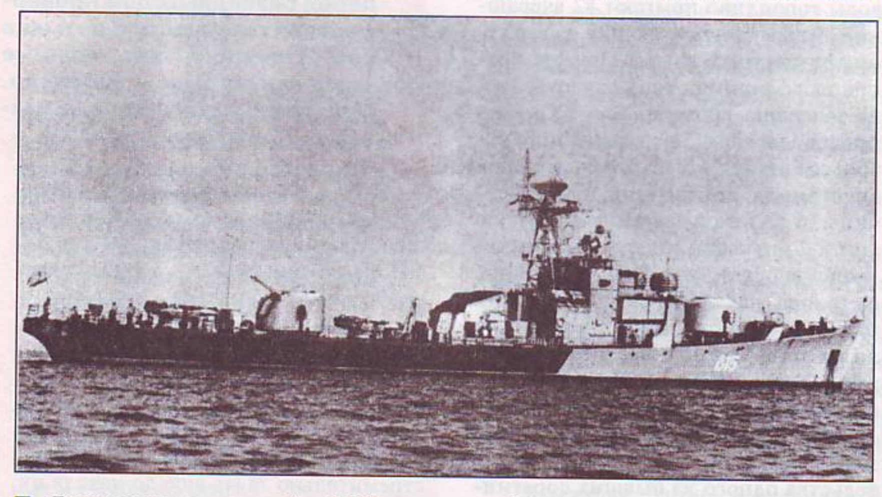
Но вскоре в Эфиопии стало жарко не только в воздухе. Резко обострилась обстановка на фронтах. Не объясняя причин, с ПМТО вдруг отправили в Союз женщин и детей. Такая же команда поступила и семьям наших специалистов в Массауа. На запрос о времени возвращения на остров газотурбинистов Главный штаб сроков не называл...

Причина стала ясна в начале февраля 1990 года, когда над Массауа заполыхали пожары – это крупные силы эритрейцев при поддержке танков молниеносно захватили главную военно-морскую базу страны. Их передовые отряды, переодетые в эфиопскую форму и тем самым сбившие с толку защитников города, сметали и убивали на своем пути всех и все. Командование эфиопской военно-морской базы чудом смогло вывести основные силы флота к острову Нокра под защиту наших боевых кораблей. Личный состав береговых подразделений в большинстве своем погиб, а оставшиеся в живых попали в плен...

Теперь перелет с Нокры в Асмару был связан с пересечением фронтовой зоны, ввиду чего вертолет на ПМТО стал появляться в исключительных случаях. Перестала регулярно поступать почта. Несколько месяцев не закупались продукты в Аддис-Абебе. Из Москвы сообщили, что газотурбинисты пока задерживаются, поэтому ремонт турбин следует отложить до лучших времен.

А начиная с февраля 1990 года Нокра и прилегающая к острову водная акватория со стоявшими на внешнем рейде кораблями и судами стали систематически обстреливаться береговыми батареями эритрейцев. С тех пор каждый транспорт стал сопровождаться нашим боевым кораблем. В такой непростой обстановке группа все-таки закончила ремонт второго сторожевика, тем самым выполнив свои обязательства перед эфиопами. После этого нас на очередном транспорте под охраной нашего тральщика доставили в порт Ассаб. Затем самолетом переправили в Аддис-Абебу, а оттуда рейсом «Аэрофлота» – в Москву.

...Режим Менгисту вскоре пал. Эритрея обрела независимость. Так закончилась история советского ПМТО на далеком эфиопском острове Нокра.

Такие сторожевые корабли СССР поставлял в Эфиопию

Олег САЛЕХ *Фото из архива автора*

Ошибки команданте

(Хроника повторяющихся проблем)

Эрнесто Гевара де ла Серна. Команданте Че Гевара. Че...

Его можно назвать одним из первых «спецназовцев» революционной Кубы. Он прошел нелегкими дорогами войны как в латинской Америке, так и в Африке.

Но сегодня мы поговорим не о феномене Че и не о многочисленных боях, завершившихся победой в борьбе с силами проамериканского правителя Кубы Батисты. Наш рассказ – о прозе войны, об одном из самых насущных ее аспектов – о продовольственном обеспечении новоявленных повстанцев. С этим у Че, мягко говоря, было не «все в порядке»...

Итак, перед вами хронология тех самых неудач на пути легендарного команданте, о которых не принято говорить в среде его приверженцев и которые до сих пор остаются малоизвестными широкому читательскому кругу.

Как не надо делать

Как же начиналась война для легендарных «барбудос» («бородачей») во главе с Фиделем, десантировавшихся на негостеприимное побережье батистовской Кубы? Увы, ряд действий партизан можно смело отнести к категории «как НЕ НАДО делать».

Горящие стремлением (несколько напоминающим известное высказывание – «ввяжемся в бой, а там посмотрим») вступить в борьбу с «прогнившим антинародным режимом», повстанцы не задумывались о многих «пустяках». Да и в самом деле – бои, засады, подпольная работа, рейды... Наверное, слишком ничтожными казались на их фоне горячим латиноамериканцам прозаические мысли о питании, обеспечении водой и прочей «меркантильщине». Им, прибывшим в Мексику для «подготовки к большому делу», в тот момент многое казалось отнюдь не сложным. Главное, как считалось тогда, было налицо – уверенность в победе и революционная романтика переполняли практически каждого из членов будущего отряда. Что касается нескольких месяцев фактической подготовки, то она в основном сводилась к занятиям по стрельбе и знакомству с тактикой отдельных действий. Иные аспекты войны в тропиках особо не затрагивались, будучи заранее отнесенными к разряду второстепенных. Показателен тот факт, что сам Фидель Кастро на этих занятиях... практически отсутствовал. Причина? *«Потому что у него не хватало на это времени»*, – так писал об этом Че в своей книге, повествующей об эпизодах партизанской войны. (Здесь и далее курсивом выделены воспоминания Че и других партизан. – **О. С.**)

Запаслись всем, кроме...

2 декабря 1956 г. С борта катера «Гранма» в бурлящие прибрежные воды торопливо прыгают 82 вчерашних эмигранта, мечтающих о свержении диктатуры Батисты. Оружие, боеприпасы, экипировка – худо-бедно, но запаслись вроде бы всем. Кроме... продовольствия. Весь запас продуктов составляли несколько мешков апельсинов, протухший кусок ветчины, 6 десятков сваренных вкрутую яиц и 2 упаковки галет. Как признавались впоследствии сами партизаны, от голода, начавшегося уже во время плавания, на первых порах спасала лишь морская болезнь. Не хватало также воды и топлива. Почему же так случилось?

Из-за опасности преследования мексиканской полицией и предательства одного из бывших соратников «Гранма» готовилась к выходу в авральном режиме. Провизия, запасы которой были весьма и весьма скромны изначально, загружалась на борт судна вперемешку с оружием и экипировкой, при этом существенная часть продовольствия в суматохе поспешного отъезда была попросту... забыта на берегу Туспана, маленького мексиканского порта, исходной точки вояжа. Ситуация с водой была аналогичной.

> **NB** ***(здесь и далее – авторские отступления).*** **Не стоит считать «перестраховкой» перед разведвыходом проверку своей готовности еще и еще раз. В спецназе само понятие «перестраховка» – гибельно. Одного залихватского «попрыгали!» может и не хватить...**

Поняв, что их появление у берегов Кубы не прошло незамеченным, будущие повстанцы покинули яхту, взяв с собой, как они считали, «лишь самое необходимое». Опасаясь, что к месту высадки подойдут правительственные войска, партизаны очень торопились. Результат спешки – бóльшая(!) часть рюкзаков утоплена в ближайшем мангровом болоте. Таким образом, и без того скудные запасы продолжали стремительно таять еще до начала их использования.

На то, чтобы выбраться из болота, в которое партизан завели *«неопытность и безответственность одного из товарищей, назвавшегося знатоком здешних мест»*, им понадобился не один час. Сам Че Гевара описывал состояние своих товарищей так: *«...Заблудившиеся, спотыкающиеся от усталости и представляющие собой армию призраков, движущихся по воле какого-то механизма. К семи дням постоянного голода и морской болезни добавились три ужасных дня на суше»*.

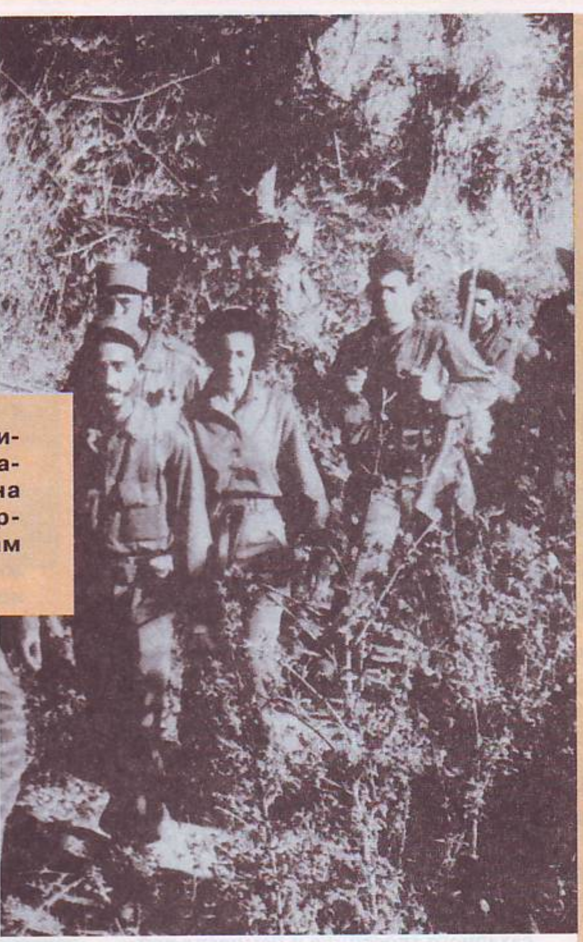
NB. Последствия паники губительны в ЛЮБОМ случае – независимо от того, был ли на самом деле повод для форсирования событий или вам просто «показалось».

Уже через день после высадки, как выразился позднее сам Че, *«мы съели много тростника и оставили много следов»*. Дневной рацион был весьма незатейлив и состоял лишь из пары галет и половины сосиски. Вторая группа повстанцев простилась с единственной оставшейся банкой консервированного молока: все содержимое вытекло через проделанные отверстия, так как ее уложили вверх тормашками. Когда пришло время получать дневной рацион – дозу сгущенки и глоток пресной воды, партизаны остались ни с чем.

Жажда и голод уже тогда начали причинять весьма ощутимые мучения.

NB. Несмотря на отсутствие «висящих на хвосте» карателей, никаких мер к поиску источника пресной воды даже на пути следования не предпринималось! Партизаны оказались совершенно незнакомы с азами выживания – способами добывания воды.

Употребление в пищу сахарного тростника занести в «актив» затруднительно – особых профессиональных знаний уроженцам Кубы для этого не требовалось. А если бы тростник на Кубе не рос?

Повстанцы в джунглях

Тогда же произошел курьезный случай. Передвигаясь ночами, Че вел бойцов отряда на восток, к горам Сьерра-Маэстры, по найденной им на небе Полярной звезде. Лишь много позднее он узнал, что эта звезда была совсем не Полярной. Так что двигались партизаны в нужном направлении лишь благодаря случайности.

Вообще же лучше всего перемещения повстанцев в то время охарактеризованы самим Че в одной из его дневниковых записей: *«Двигались с трудом, точно не зная куда»*.

Проблемы, которых не было

7 декабря. Добравшись до скал побережья, повстанцы нашли там нескольких крабов и немедленно съели их в сыром виде. Разумеется, после этого мучения от жажды усилились, а мизерным количеством дождевой воды, второпях собранной во впадинах камней, решить проблему было нереально.

8 декабря. Запись в дневнике Че лаконична: *«Ничего не ели»*.

NB. Целенаправленному поиску и сбору воды внимания не уделяется по-прежнему!

Относительно крабов: партизаны использовали лишь скудную часть возможностей обеспечить себя питанием, предоставляемых им природой.

Что же могли еще раздобыть Че и его товарищи?

Устриц, которых без труда можно найти на илистых участках вблизи эстуариев, где с океанской смешивается насыщенная взвесями речная вода (именно на таком участке партизанами была утоплена часть рюкзаков).

Ракообразных – омаров, лангустов (ловятся как при помощи остроги, так и изготовленными из подручного материала вершами).

Креветок, морских гребешков, морских желудей и крупных двустворчатых моллюсков, которыми так богата приливно-отливная зона.

Мидий, морских огурцов и, разумеется, бесчисленное множество морских ежей, чье мясо и икра после удаления панциря вполне съедобны.

Определенные виды водорослей – в том числе бурую водоросль из рода ламинарий, в просторечии именуемую морской капустой.

Воду собирали с помощью... маленького насоса от противоастматического ингалятора. Результатом данной операции стали буквально

NB. Между тем даже на коралловых атоллах, где весь запас пресной воды заключен в виде дождевой влаги, скапливающейся в расселинах и углублениях рифа, можно небезуспешно попытаться пополнить свои запасы во время отливов. В это время можно увидеть массу ручейков, берущих свое начало с берега (чуть выше уровня моря) – их вода по своему составу вполне пригодна для питья. (Для справки – резервуарами пресной воды в этом случае служат подпочвенные и грунтовые воды, имеющие название «линзы Гибен-Герцберга).

Главнокомандующие армией кубинской революции (Эрнесто Че Гевара второй слева)

NB. Между тем уже в годы Второй мировой войны производились простейшие дистилляторы, позволяющие получать до 0,7 л пресной воды в сутки. Но об их приобретении, равно как и о закупке водных фильтров, поборники классовой борьбы особо не задумывались...

Судя по всему, не было предпринято ни одной попытки получить влагу для питья как из лиан (нижние петли которых могут содержать до 100-200 мл жидкости), так и из стволов бамбука. Разумеется, не в каждом стволе последнего содержится вожделенная жидкость, но в случае удачи наградой могли бы стать от 1 до 3 стаканов – и это в одном метровом колене бамбука!

несколько капель пресной воды. На каждого.

Кстати, другая группа, которой командовал Камило Сьенфуэгос, сумела более результативно использовать способ утоления жажды, высасывая воду из трещин скал при помощи трубочки или полой тростинки.

NB. Употребление морской воды в любом ее виде (равно как и рассола, мочи) в условиях жесткого дефицита пресной воды – НЕДОПУСТИМО!

Тогда же Че попробовал повторить то, что прочитал, по его признанию, «в какой-то научно-популярной публикации или романе». В соответствии с данным рецептом, смешивание двух частей пресной воды с 1/3 морской воды дает возможность употреблять полученную воду для питья. Использовав то немногое, что оставалось во фляге, «экспериментаторы» получили, мягко говоря, жалкий результат в виде *«соленой микстуры, вызвавшей всеобщую критику в адрес самого Эрнесто»*.

NB. В этом регионе в пищу можно употреблять кокосовые орехи – так называемые «китайские сливы», плоды гуайявы, манго, хлебного дерева. И, разумеется, бананы. (Даже дикий банан, плоды которого в пищу непригодны, в умелых руках найдет свое применение – после вымачивания в воде можно смело дегустировать его цветы, почки и молодые побеги.) Съедобны также молодые побеги бамбука как в вареном, так и в сыром виде.

9 декабря. Оставшиеся куски сахарного тростника и немногих пойманных крабов партизаны разделили поровну. Запасы продовольствия иссякли полностью. С момента высадки прошла лишь одна неделя!

Голод и жажда

1 января 1957 г. *«Ели какие-то колючие груши, растущие на берегу – всего по 1-2 штуки на каждого, что совершенно не помогло утолить голод».* При этом повстанцы все ощутимее мучились от жажды, так как даже те немногие капли воды, что им удавалось еще сохранять, приходилось строго нормировать.

Очередное подтверждение неподготовленности повстанцев и в том, что в пищу употреблялись практически незнакомые плоды. И это в тропиках, где вероятность наткнуться именно на ядовитое или непригодное в пищу растение высока, как нигде более! Некоторое удивление вызывает полное отсутствие упоминаний партизанами о съедобных плодах многочисленных растений, украшающих растительный мир Кубы.

В воспоминаниях Че вновь мелькает знакомая фраза: *«Ничего не ели»*. О количестве пресной воды, приходившейся в некоторые дни на каждого, можно судить по тому, что ее раздавали... в окуляре оптического прицела. Напиться вволю довелось лишь *спустя месяц после высадки*. Да и то в результате банального везения – наткнулись на ручей. Бросившись на землю, измученные жаждой люди пили, *«пока вода вмещалась в пустые животы»*. Наконец-то наполнили и фляги.

12 декабря. Неудачные попытки раздобыть еду в домах встреченного на пути селения привели к необходимости быстро ретироваться – там оказались солдаты правительственных войск.

На следующий день повстанцам впервые удалось раздобыть значительное количество еды. *«Сидели часами и ели, ели до тех пор, пока не рассвело. Вскоре маленькая хижина превратилась в настоящий ад»,* – понос и рвота безжалостно терзали дорвавшихся до пищи партизан.

NB. Похоже, что партизаны не были знакомы с основами употребления пищи после длительного голодания. Удовлетворение далеко не всех инстинктов делает ваше существование безопасным.

Результат этого пиршества был плачевным: один из бойцов, Пабло Уртадо, более других измученный морской болезнью, голодом и жаждой, оказался не в состоянии продолжать поход и был оставлен у крестьян. При этом ему поручили охранять часть оружия, боеприпасов

Команданте Че Гевара

и обмундирования группы. В результате доноса одного из крестьян этого селения (местечко Пуэркас-Гордас) уже через несколько часов все оружие вместе с «охранявшим» его изнуренным партизаном было захвачено военными.

Результаты одноразового питания

Естественно, в дальнейшем имеющиеся проблемы были дополнены и жестким прессингом со стороны войск диктатора Батисты, что поставило выживание партизан в прямую зависимость от их подвижности. Время от времени приходилось голодать, и это стало нормой. (Один из свидетелей тех событий, не являвшийся членом партизанского отряда, отмечал бросающееся в глаза бедственное положение повстанцев с питанием: лимон, которым он угостил будущего команданте, *«Че ел вместе с кожурой и семечками»*.)

В отряде появились бойцы, *«не упускавшие случая, чтобы заболеть»*. Вполне закономерным стал и результат в виде случаев дезертирства. Сейчас, знакомясь с воспоминаниями партизан, нельзя не улыбнуться: *«Нервы Серхио Акуньи не выдержали, и он, бросив подсумок и винтовку, оставил порученный ему пост. Он унес с собой соломенную шляпу, банку сгущенного молока и три копченые сосиски. Мы очень горевали тогда, что он лишил нас сгущенного молока и сосисок»*.

Доходило до того, что отдельные бойцы, стремясь избавиться от ежедневных мучений «боевой жизни» в горах, просили командование направить их для выполнения поручений в город. На то обстоятельство, что опасность для их жизни в последнем случае возрастала многократно, измученным людям было попросту плевать! Че признавался, что если таким просителям отказывали, они не останавливались и перед побегом из отряда – несмотря на то, что дезертирство каралось смертной казнью.

Усвоение «науки побеждать» затянулось: лишь через 4-5 месяцев новоявленные «ветераны» смогли уже, в свою очередь, чему-то обучить новобранцев, показывая тем, как готовить еду и наилучшим образом использовать провиант. Тем не менее практически все новички «болели детскими болезнями» – одноразовое питание возмущало их до глубины души, а если еда была невкусной, они могли и отказаться от нее. В вещмешках у них было много ненужных вещей, но когда лямки натирали им плечи, молодежь выбрасывала из него не что-нибудь, а банку сгущенного молока. В условиях партизанской жизни это было преступлением. Конечно же все продукты, которые они бросали по дороге, приходилось подбирать.

Наиболее приспособленными к полевым условиям оказались не профессиональные революционеры, а местные крестьяне. Таким мастером на все руки, умеющим быстро найти питьевую воду, развести костер под тропическим дождем и многое другое, в отряде Че был безграмотный 45-летний крестьянин Хулио Акоста. Именно он оказал неоценимую помощь вчерашним горожанам, приходившим в ужас от реалий походного существования.

Слова самого Че звучат как признание: *«В конце концов те, кто остался и выдержал первые испытания и несчастья, привыкли к грязи, недостатку продовольствия, воды и безопасности, к отсутствию крыши над головой и к необходимости постоянно жить с винтовкой в руке. Нашим единственным щитом были единство и стойкость основного ядра партизан»*.

Ошибки, которые не учат

В своей книге Че утверждал: *«Все мы, являющиеся сегодня свидетелями достижений революции, должны помнить о тех, кто отдал свою жизнь за нее, учиться на их опыте, чтобы в будущем меньше делать ошибок»*. Увы, те же самые ошибки, совершенные в будущем им же самим, во многом стали причиной гибели неистового команданте... Еще в 1964 году кубинские спецслужбы получили сведения о разгроме группы аргентинских повстанцев. Крах революционеров был непосредственно связан с захватом их провизии правительственными войсками. Блокированные и лишенные возможности обеспечить себя продовольствием люди оказались обречены. Несколько бойцов **заблудились и умерли от голода.**

И тогда Че не внял очередному предупреждению свыше. Актуальнейшим проблемам выживания в его литературно-методических трудах внимания не уделяется абсолютно. Сомневающимся в этом будет достаточно ознакомиться с названиями глав его «Партизанской войны»: «Организация партизанского отряда», «Бой», «Организация гражданской администрации», «Роль женщин», «Саботаж», «Пропаганда» и т.п. Между тем ничего дельного не содержит в себе и единственная глава с многообещающим названием «Снабжение». На деле она почти целиком посвящена взаимоотношениям повстанцев с крестьянским

Обсуждение тактики

Солдаты и офицеры над телом Че Гевары

населением на «освобожденных территориях».

Много тактики, стратегии, теории и т.д., но СПЕЦПОДГОТОВКА ВНОВЬ ЗАБЫТА. Почему? Ведь впереди самого команданте уже ждала Боливия...

На «боливийской диете»

Реальность выглядела удручающе: область, в которой действовала возглавляемая Че группа, оказалась бедной на продовольствие. Неэффективной была охота, и даже *«попытки обыска результатов не давали»*.

6 декабря 1966 года. Два партизана отправляются охотиться на дичь, так как нехватка продовольствия становится весьма ощутимой. После нескольких дней охоты трофеи «дуэта» более чем скромны – дикая утка.

25 декабря. Поймана и убита змея, на следующий день «в котел» пошли еще две змеи.

Февраль 1967 года. Маршрут повстанцев проходит по девственным джунглям в сезон непрерывных ливней. *«И вновь – одиночество и голод»*.

При случайной встрече с крестьянами им удалось добыть немного еды. *«Мы отправились поискать зерна; это наша единственная пища уже в течение нескольких дней»*. В целом же рацион однообразен и крайне скуден. Запись: *«Завтрак – суп из маиса. Обед – ничего. Ужин – немного маиса»*.

27 февраля. Ничего не ели, так как закончились последние консервы. Пили лишь чай.

Проведенный в феврале-марте разведывательный рейд, по сути, превратился в длительную голодовку, истощившую повстанцев не только физически, но и морально. Многие из них были фактически выведены из строя, причем произошло это именно в тот момент, когда надо было начинать сражаться. Истощенные, с отечными конечностями, некоторые бойцы *«не могли надеть сапоги, а пальцы рук были такими распухшими, что едва могли нажать указательным пальцем на гашетку ружья»*.

1 марта. Че сообщили, что два партизана нарушили режим жесточайшей экономии, съев 2 банки сгущенки и банку сардин. Оргвыводы следуют немедленно: *«В виде наказания они не будут есть эти продукты, когда те будут в меню»*. *«Плохой знак»*, – сокрушается некогда неисправимый оптимист Эрнесто.

3 марта. Дневной рацион составила лишь съедобная сердцевина срубленных пальм...

На следующий день удалось убить двух обезьян, какаду и голубя.

«Все идем и идем без пищи, измотанные под дождем, приглядываясь к деревьям в поисках плодов, чего-нибудь, на что можно было бы поохотиться, но ничего, ничего. Только силой воли мне удается держаться на ногах». Че также сознавался: *«Моральный дух низок, и физическое состояние ухудшается со дня на день; у меня начинаются отеки на ногах»*.

ГЛАВНЫМ ВРАГОМ партизан становится голод, а отнюдь не отряды преследователей под предводительством «зеленых беретов». Середина марта ознаменовалась окончанием всего продовольствия: *«Мы доели последнюю провизию, и теперь будем зависеть только от охоты»*. Убитая при помощи пращи птица положения спасти явно не может, а потому в рационе вновь появляется конина: *«16 марта съедена лошадь»*.

1 апреля. Зарезали вторую лошадь, чтобы часть мяса засушить (завялить).

1 мая. Партизаны праздновали эту дату «на ходу», прокладывая проход, но двигаясь очень медленно. Одному из них удалось убить из рогатки птицу.

12 мая. Редчайший случай – удалось раздобыть и приготовить поросенка с рисом и внутренним жиром, с тыквенным гарниром. Следующий день стал днем кошмара – **уроки Кубы научили Че немногому...** *«Настоящий органный концерт отходящих газов, рвоты и поноса. Остаемся абсолютно неподвижными, пытаясь усвоить поросенка. Вновь приходится жестоко расплачиваться за несдержанность желудочным расстройством»*.

Август. В пищу идет все – лань, дикий павлин, тапир. Вторая половина месяца более скудна, в рационе повстанцев появляются даже кондор и «тухлая дикая кошка». Че констатирует, что в запасе остается немного фасоли и *«то, что можно будет поймать»*.

30 августа. Ситуация критическая – из-за отсутствия питьевой воды повстанцы начинают терять сознание. Несколько человек, не удержавшись, выпили свою мочу – плачевный результат в виде жесточайшего поноса и спазм желудка ждать себя не заставил. Позднее, спустившись в каньон, все же удалось найти воду.

Следующие дневниковые записи Че по праву можно считать прощальными: *«Без всякого сомнения – все плохо... Потеря тайников с документами и медикаментами, которые там находились, – тяжелый удар, особенно в психологическом плане. Потеря двух человек в конце месяца и последовавший за этим трудный переход с едой из конины деморализовали людей...»*

Одна из последних записей: *«Было уже не так легко готовить для еды презренных обезьян. Они разбежались из-за бомбежки...»*

«Миссия» в Алжире: как это было...

Сергей БАЛМАСОВ
Фото из архива автора

(Продолжение. Начало в № 5)

Русские не сдаются!

Однажды ночью, вскоре после ареста Шараби, я проснулся от стрельбы. Впечатление было такое, что бой шел по всему городку. И тут я совершил ошибку, которая едва не стоила мне жизни. Мы на ночь закрывали окна металлическими шторами – жалюзи. Но, не сообразив спросонья, что делаю, включил свет и поднял жалюзи. Ничего отчетливого не увидел, но все же заметил несущиеся над головой нити трассеров. И тут, поняв, что представляю собой отличную мишень, находясь в комнате с ярким светом, кинулся на пол, успев все же захлопнуть жалюзи.

Стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась. Наступил рассвет. Мы потихоньку начали вылезать наружу. Все вроде бы живы, только нет двух молодых офицеров из крайнего дома. Подходим и громко стучим в закрытые жалюзи. В ответ – тишина. Повторяем это несколько раз с таким же результатом. В душу закрадывается тревога. Пробуем открыть двери, но они забаррикадированы.

Залезаем через крышку люка на самом доме. При свете направленного в центр комнаты фонаря мы увидели картину, вызвавшую наш безудержный смех. Посредине комнаты сидят оба наших молодых офицера спиной друг к другу. Вокруг них разложено самое разнообразное холодное оружие. У одного в руках гигантский нож, которому бы позавидовал известный герой из фильма «Данди – по прозвищу крокодил», у другого – топорик. Вся мебель дома была наглухо придвинута к окнам и дверям.

Когда впечатления от ночи немного улеглись, они сами тоже посмеялись над своими приготовлениями к отражению противника. Надо добавить, сдаваться не собирались. Хоть с трубой в руках, но драться до конца...

Что же это было? По рассказу наших охранников, в городок, несмотря на комендантский час, пыталась пробраться небольшая группа людей. Шли к нам явно не с дружественными целями, о чем свидетельствовало то, что они открыли по нашим охранникам ответный огонь. Никто из нас в результате ночной стычки не пострадал. Были ли потери у нападавших, для нас также осталось загадкой. По общему мнению, охранники спугнули разведку исламистов, которая, напоровшись на огонь, после непродолжительной перестрелки предпочла отойти.

«Десятка» хранит спокойствие, или что такое «алжирен десант»

...Прошла еще одна ночь в «тревожном спокойствии», прерываемом отдаленными выстрелами. Оказалось, что боевики делали попытку нападения на полицейский участок, нагло подъехав к нему в комендантский час на грузовике и открыв огонь из крупнокалиберного пулемета.

Днем около нашего городка жандармами был установлен нехитрый пункт охраны, смысл которого неясен до сих пор. Простой шлагбаум. Едва только жандармы окончили сооружение, как к нему подъехал крытый тентом грузовик, который протаранил шлагбаум и лихо понесся мимо нашего городка. Из кузова по посту ударила очередь. Жандармы также отозвались автоматным огнем, сумев остановить машину. Проехав немного, грузовик остановился и был захвачен. Трое находившихся на посту жандармов были ранены. Все бывшие в машине исламисты бежали. Все это случилось на наших глазах.

Понятно, что данный инцидент лишний раз нервировал нас, а мы были лишены возможности как-то изменить ситуацию.

Наше непосредственное начальство – «десятка» – хранило невозмутимое спокойствие и требовало продолжения учебного процесса. Между тем необходимо было срочно, ввиду сложившихся обстоятельств, отправить домой хотя бы членов семей офицеров. Однако борта для их эвакуации не давали.

Абд-эль-Кадэр. Национальный герой Алжира боролся за независимость в 30–40-х гг. XIX в.

Да, пару слов надо сказать о нашей охране. Это были либо десантники, либо менявшие их курсанты, вооруженные автоматическим оружием разных видов и странными ружьями, оказавшимися дробовиками. Как ни странно, но, по рассказам курсантов, при ночных нападениях боевиков это оружие было довольно эффективным: когда ты не видишь противника, но вероятность его поражения при стрельбе увеличивается многократно.

Если курсанты имели боевой вид, то алжирские десантники вызвали у нас смех. Когда машины с ними в первый раз появились в нашем городке, то никто, включая женщин, не мог удержаться, чтобы не расхохотаться. Вообразите себе распущенную банду в обмундировании и с оружием, экипированную кто во что горазд. Здоровенный сержант, за которым семенили «карликовые» солдаты, не превышающие ростом 1,6 метра. В довершение всего, когда эти наши «защитники» выстроились в центре нашего городка напротив нас, почти у всех из них оказались не застегнутыми ширинки штанов, откуда коегде просвечивало. Очевидно, главное оружие этих вояк. Еще смешнее было на них смотреть, когда они занимали позиции на ночь. Выданные не по размеру каски болтались на головах, как кастрюли. А сами «повелители воздушной стихии» сгибались под тяжестью автоматов.

Мы снова «почесали репу» и решили – с такой охраной по-прежнему не спать. Впечатления были не ошибочны. Когда мы ночью пошли проверять наших «защитников», чтобы предложить им перекусить и выпить, негодованию нашему не было предела. Вот одна «волчья ловка», как почешски называл командовавший ими алжирский офицер, учившийся в свое время в Праге. Что же мы видим? Откинутый в сторону автомат, раскинувшийся на пледе в безмятежном сне десантник, измазанная невероятным количеством слюны униформа. Другие «волчьи ловки» показали то же самое. Только здоровенный сержант и его напарник бодрствовали. Сержант нисколько не удивился такому обороту дел и сказал, что наказывать его подопечных бесполезно, поскольку это не поможет.

Будем знакомы, сержант!

Мы пригласили сержанта вместе с напарником в дом, где угостили всем, чем могли. Особенно понравились алжирским воякам наши блины. Не отказались они, к нашему удивлению, и от водки. Очевидно, под ее влиянием язык сержанта развязался. Стали обсуждать тогдашнее положение Алжира. Дошли до событий, из-за которых сержант и его подчиненные оказались здесь, с нами. В конце концов он чистосердечно сказал нам следующее: «Ехали бы вы, русские, к себе домой. А мы тут сами справимся!» Сказано это было с нескрываемой злобой.

Выходило, что наша охрана – ненадежна. Это прибавило нам желания не прекращать ночных бдений. Отдыхали мы лишь тогда, когда нас охраняли курсанты, искренне ненавидевшие исламистов.

Интереснее всего было то, что, как мы узнали потом, тот самый сержант возглавлял группу боевиков, напавшую на наш автобус и конвой!

«Откройте, он у меня на крыльце сидит!»

Между тем в самом городке мы установили мощную сирену. Каждый из нас при нападении должен был ее включить для оповещения всех.

Наступила очередная тревожная ночь, которая была расколота автоматными и пулеметными очередями. Вслед за этим завыла сирена. Наш командир тщетно пытался вызвать по телефону полицию или жандармов, чьи казармы находились от нас через дорогу. Если первые обещали приехать и не приехали, то вторые чистосердечно признались, что выходить ночью за пределы «колючки» они не желают, так как опасаются попасть в засаду. Таким образом, приходилось рассчитывать только на свои силы.

Сирена вскоре умолкла (как потом оказалось, обесточилась). Стихли и выстрелы. Забрезжил рассвет. Все тихо, как в могиле. Неужели я один остался в живых? Но вот по жалюзи кто-то забарабанил. «А вдруг бородатые?» – мелькнула тревожная мысль. «Откройте! – раздался плачущий голос нашего прапорщика Л. – Он у меня на крыльце сидит!»

Кто же этот «он»?! Оказалось, раненный в руку и ногу боевик. Бородатый, без одежды. Корчась от боли, увидев нас, он оскалился и стал делать движения руками, призывая нас подойти к нему. Около него лежал какой-то сверток. Поскольку в нем могло быть все что угодно, подойти к нему мы не рискнули. Вызвали жандармов (наша охрана к тому времени благополучно уехала).

...Четверо жандармов шаг за шагом приближались к бородачу, постоянно держа его на прицеле. Последовало что-то вроде переговоров, в этот момент одному из жандармов удалось прыжком приблизиться к нему и ударить прикладом по голове. Злополучный сверток вылетел из его рук, что в нем было, мы так и не узнали. Бородача утащили.

Сразу после задержания исламиста к нам приехал сам начальник училища. Около половины офицеров заявили ему о том, что они подают рапорта об отъезде на Родину. Тот в ответ очень неудачно пытался успокоить нас, говоря, что через наш городок «шли автомобильные воры», но не исламисты. Такое заявление вызвало лишь раздражение, поскольку ни у кого из нас машин здесь не было, а имевшиеся у арабов находились за высокими каменными заборами, в подземных гаражах

«Трилистник» – монумент в честь освобождения Алжира

и охранялись собаками. Кроме того, зачем было «автомобильным ворам» ночью в комендантский час, рискуя жизнью, идти на такой промысел?

Спасите наши души!

После случившегося мы объявили забастовку и наотрез отказались покидать городок и выходить на занятия, пока нам и членам наших семей не будет обеспечена нормальная безопасность. Напрасно ходили около нас кругами алжирские офицеры, пытаясь уговорить не срывать учебного процесса. Мало того, целых три дня после этого на случай «неблагоприятного развития событий» мы на виду у арабов жгли секретную документацию, как нам было приказано из «десятки». Но она заявила вдруг, что со дня на день будет проведена эвакуация всей нашей группы. Однако только уничтожили весь «компромат», как из нашей военной миссии пришел приказ быть готовыми к эвакуации лишь тем, кто подал об этом соответствующие рапорта, а всем остальным придется остаться...

Пришлось все уничтоженное восстанавливать, на что ушло около месяца. Все были очень злы как на наших продажных генералов, отдавших нас за бесценок арабам, так и на самих арабов, которые не хотели обеспечивать нам охрану согласно контракту. Весь световой день мы были без охраны, и нападения следовало ожидать именно в этот период. Командир нашей группы полковник Б. запретил самостоятельные выходы в город, хотя и без того они не были результативными в плане закупок: накануне событий декабря 1993 г. местный мулла призвал мусульман не продавать нам, «иноверцам», ничего, и это всеми жителями Регайи исполнялось точно...

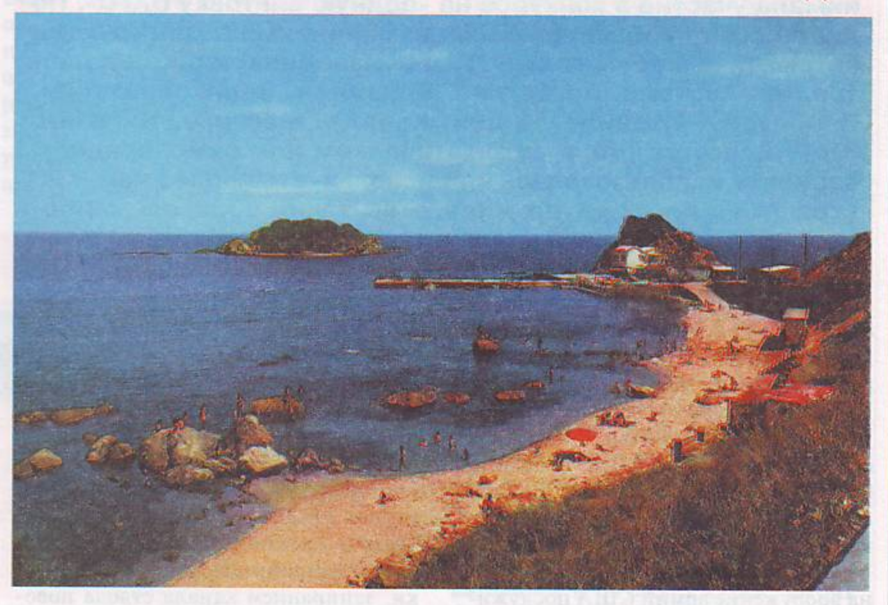
Арабская сторона на это лишь разводила руками, прося подождать. Но наши желудки ждать не могли. Выручали нас, к нашему удивлению, негры, немногочисленная община которых здесь же и занималась торговлей. Они сами приносили нам в городок совсем дешевые, самые необходимые нам товары. Что с ними было дальше, я не знаю – ведь все это было на глазах всей Регайи, а нарушить табу муллы в мусульманской стране означает как минимум серьезные неприятности.

Слава Богу...

...А со всех сторон Алжира неслись трагические новости об убийствах иностранцев. Зверски зарезана группа французов... Расстрелян автобус с российскими специалистами, погибло 20 человек... Начисто вырезан экипаж небольшого итальянского судна, зашедшего в порт алжирской столицы, который так и не ступил на алжирскую землю... Бьют поодиночке и группами, как какую-то дичь...Убивают даже русских женщин, по 13 и более лет живших в Алжире и принявших ислам.

Через некоторое время русскую группу перевели за «колючку», на территорию самого училища, где была хорошая охрана. По периметру забора стояли наблюдательные вышки. Впрочем, когда мы увидели, как нас тут охраняют, все долго матерились. Вообразите себе ситуацию, когда вы видите, как солдаты затаскивают на ночь на эту вышку матрац. На наше удивление и вопрос «зачем» они искренне поражаются и отвечают: «Как зачем? – Спать». Тут нам и стало ясно, почему евреи всегда били, бьют и будут бить арабов...

Кто-то больше, кто-то меньше пробыл из нас в Алжире. Некоторые из оставшихся писали в Россию героические письма вроде: «Пишу на спине убитого товарища». Все это на совести их писавших людей, но большинство, несмотря на все вышеописанное, благополучно отслужили свой срок, вернулись на Родину. Все мы вписали свою страницу в историю отношений Алжира и России, и, думаю, о себе там мы оставили неплохую память.

В минуты отдыха советские офицеры-специалисты любили побывать на пляже

Семен ФЕДОСЕЕВ

FNC – обаяние простоты

После Второй мировой войны бельгийская фирма «Фабрик Насьональ» (FN) одной из первых добилась успеха в деле разработки, постановки на серийное производство и распространения нового типа индивидуального автоматического оружия – штурмовой винтовки. Ее разработка началась здесь в 1948 г. с участием конструктора Д. Сэва, первоначально под германский «курцпатрон» 7,92х33 (эта опытная винтовка известна как Модель 29 SAFN), затем под британский опытный 7-мм патрон .280/30. Однако в 1950–1951 гг. был выполнен 7,62-мм образец под опытный американский патрон T65E3, вскоре принятый как единый патрон НАТО. Винтовка получила официальное обозначение FAL (Fusil Automatique Leger – «легкая автоматическая винтовка») и быстро приобрела популярность. В ФРГ она была принята на вооружение под обозначением G1, в Великобритании – L1A1, в ЮАР – R1, в Австрии – StG 58, в Индии – 1A1, в США испытывалась под обозначением T48 и составила существенную конкуренцию винтовке T44 (будущей M14). В 1950 г. FAL принимала участие в конкурсе на «единую винтовку НАТО». По лицензии с незначительными изменениями в конструкции автоматические винтовки FAL производились также в Австралии, Австрии, Аргентине, Бразилии, Великобритании, Венесуэле, Израиле, Индии, Канаде, Мексике, Нигерии, ЮАР. Всего же FAL в автоматическом или самозарядном варианте использовалась или используется более чем в 90 странах в разных частях мира, став, таким образом, наиболее распространенной среди штурмовых винтовок.

Успех FAL был несомненным, однако оружие под патрон 7,62х51 винтовочной мощности удовлетворяло далеко не всех пользователей. Большой импульс отдачи делал предпочтительной прицельную стрельбу одиночными выстрелами, особенно из неустойчивых положений. Вполне ожидаемое появление 5,56-мм американского малоимпульсного патрона M193 (5,56х45) и принятие его в 1964 г. на вооружение армии США послужили толчком для фирм-производителей оружия в разных странах к спешному созданию образцов нового калибра.

FN, естественно, не намеревалась терять своих позиций на рынке индивидуального военного оружия. Неудивительно, что первой боевой винтовкой под 5,56-мм патрон, поставленной на производство в странах НАТО, стала модель FN CAL (Carbine Automatique Legere – «легкий автоматический карабин») с газовым двигателем автоматики, запиранием канала ствола поворотом затвора по типу американской AR-15 (M16), массой 3,35 кг, длиной 978 мм при длине ствола 467 мм. CAL предлагалась с магазинами на 20, 25 или 30 патронов. Хотя CAL производилась в течение почти десяти лет, большого успеха на рынке модель не получила. Ее признали недостаточно надежной, слишком дорогой в производстве, и FN продолжила разработку 5,56-мм винтовки. В 1976 г. – вскоре после прекращения выпуска CAL – была была представлена модель FNC (что расшифровывается просто как Fabrique Nationale Carbine – «карабин Фабрик Насьональ») под патрон типа M193. Однако вскоре появилась модификация под 5,56-мм бельгийский патрон SS109, уверенно претендовавший на роль 5,56-мм патрона НАТО, – в 1979 г. появились доработанные модификации FNC под патрон M193 (эта винтовка упоминается как Модель 0000), под патрон SS109 (Модель 2000) и карабин под патрон SS109 (Модель 7000). FNC запустили в серийное производство, а вскоре и патрон SS109 был официально принят в рамках НАТО (патрон 5,56х45 НАТО).

Винтовка FNC разрабатывалась для подразделений, которым предстояло действовать на боевых машинах в условиях пересеченной местности, в сложных климатических условиях, в джунглях, с ограниченными возможностями материально-технического обеспечения. Это требовало оружия достаточно компактного и легкого, простого в обращении и надежного в работе. В конструкции винтовки нашел отражение опыт производства моделей серий FAL и CAL и сравнительных испытаний оружия, проводимых в рамках НАТО. Пользователи признали конструкцию FNC удачной.

Фирма представила два варианта FNC. Первый (штурмовая винтовка) имеет ствол длиной 449 мм. У второго (карабина) ствол укорочен до 363 мм. Оба варианта снабжаются дульным тормозом, играющим также роли пламегасителя и компенсатора реактивного действия, складывающимся вправо прикладом, который по заказу может быть сделан в постоянном пластмассовом исполнении. Небольшие размеры делают оружие удобным для действий в ограниченном пространстве, при перемещении в транспортных средствах.

В зависимости от применяемых патронов стволы FNC изготавливаются с нарезами двух типов: первый соответствует патрону FN SS109 (5,56х45 НАТО) и имеет длину хода нарезов 178 мм, второй изготавливается по специальным заказам, соответствует старым патронам M193 и FN SS 92, длина хода нарезов составляет 305 мм. Система автоматики и узел запирания канала ствола FNC вполне традиционны для легкого автоматического оружия второй половины XX века (кстати, одной из причин этой традиционности многие считают успех советских автоматов АК и АКМ). Автоматика – с газовым двигателем, отводом пороховых газов через отверстие в стенке ствола, расположением газовой камеры сверху ствола, длинным ходом поршня, жестко соединенного с затворной рамой. Газовая камера снабжена газовым регулятором, который изменяет количество сброса пороховых газов из камеры. Положение, обозначенное цифрой I, используется при стрельбе в нормальных условиях, положение, обозначенное цифрой II (отверстие для сброса газов закрыто), – при стрельбе в неблагоприятных условиях. Газовый поршень запрессован в трубчатый шток, приваренный к затворной раме. На поршне имеются обтюрирующие кольцевые проточки. Возвратный механизм помещен в канале затворной рамы, пятка направляющего стержня возвратной пружины перекрывает сзади ствольную коробку.

Укороченная винтовка FNC со сложенным прикладом (вид слева)

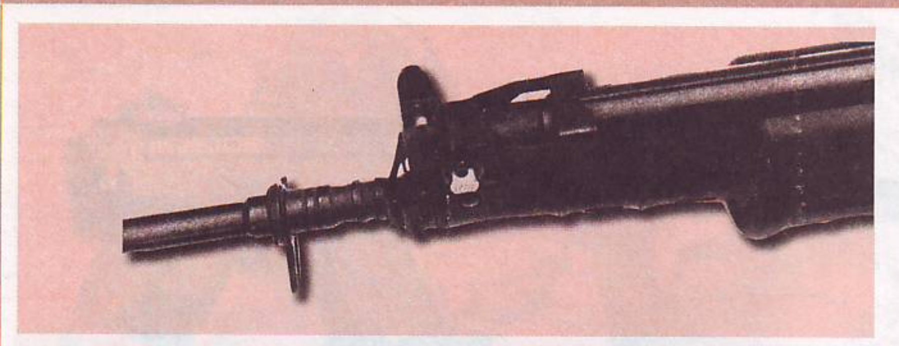
Запирание казенной части ствола производится поворотом затвора, при этом два боевых выступа затвора входят в зацепление с пазами в казеннике ствола, что сделало ненужным особый вкладыш ствольной коробки. При движении затворной рамы назад происходят поворот затвора на 30 градусов и его расцепление с казенной частью ствола. При движении затворной рамы с затвором назад выбрасыватель извлекает стреляную гильзу, которая ударяется о жесткий отражатель на левой стенке ствольной коробки и выбрасывается через окно коробки вправо. Затвор и затворная рама винтовки FNC являются одними из немногих ее деталей, требующих при изготовлении точной станочной обработки. Ударник крепится муфтой и поперечным штифтом и может быть заменен в полевых условиях. Отделяемая рукоятка затворной рамы расположена справа. Вырез ствольной коробки, в котором она движется, закрыт подпружиненной крышкой для защиты механизмов от грязи и снега. При движении назад рукоятка затворной рамы сама открывает крышку, которая закрывается, как только рукоятка возвращается в переднее положение.

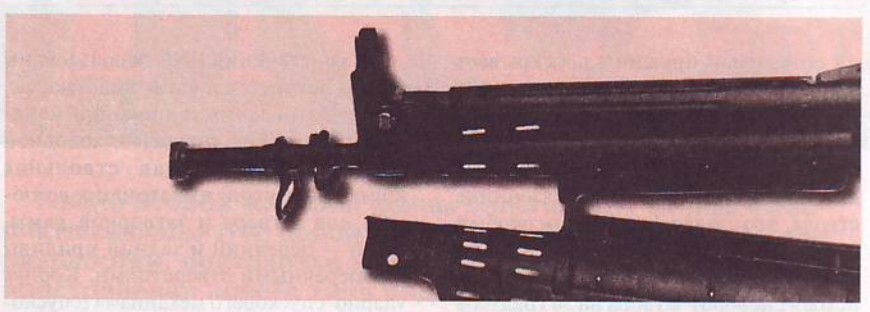

5,56-мм штурмовая винтовка FNC со сложенным прикладом (вид справа)

В конструкции FNC использованы сталь, легкие сплавы и пластмассы. При изготовлении широко применяется технология горячей и холодной штамповки. Стальная ствольная коробка внутри имеет направляющие для затвора и затворной рамы, снизу – передний и задний приливы с поперечными отверстиями. Корпус ударно-спускового механизма (спусковая коробка) отштампован из легкого сплава. Спереди ствольная коробка и корпус УСМ соединяются при помощи стальной поперечной чеки (оси переднего шарнира), проходящей через отверстие прилива ствольной коробки. Такая же чека (расположена над пистолетной рукояткой) соединяет их сзади.

УСМ куркового типа допускает огонь одиночными выстрелами, фиксированными очередями по три выстрела и автоматический (непрерывный) огонь. Флажок переводчика-предохранителя смонтирован с левой стороны спусковой коробки над спусковой скобой. Заднее положение флажка – «предохранитель», поворот флажка на один шаг вперед-вниз задает режим одиночного огня, еще на один шаг вперед – огня очередями по три выстрела, в крайнее переднее положение – автоматического огня. Спусковой крючок выполнен из легкого сплава. Курок имеет винтовую боевую пружину, выполненную из витой проволоки. В самозарядном режиме при повороте курка назад выступ шептала входит в паз боевого взвода курка, и после возвращения подвижной системы вперед и запирания канала ствола курок остается во взведенном положении. В автоматическом режиме шептало отклонено так, что не может перехватить курок, и тот встает своим боевым взводом на автоспуск. Затворная рама в крайнем переднем положении отжимает автоспуск и спускает курок. Огонь фиксированными очередями задается храповиком, который после третьего

Цевье, стойка мушки и дульная часть ствола винтовки FNC. Вверху – цевье в собранном виде, внизу – снята левая ствольная накладка, поднят прицел для стрельбы винтовочными гранатами

выстрела вводит шептало в соединение с боевым взводом курка.

Прицельные приспособления включают установленную на газоотводном узле регулируемую цилиндрическую мушку с предохранителем и отнесенный на заднюю часть ствольной коробки диоптрический прицел с L-образным перекидным целиком – его установки соответствуют дальностям до 250 и до 400 м. При пристрелке прицел регулируется по направлению, мушка – по вертикали. Длина прицельной линии штурмовой винтовки – 513 мм. Эффективная дальность стрельбы из штурмовой винтовки составляет 400 м, фирма-производитель указывает диаметр рассеивания на 100 м – до 120-140 мм. Пламегаситель-компенсатор винтовки имеет стандартный «натовский» диаметр 22 мм и приспособлен для стрельбы оперенными винтовочными гранатами. Для стрельбы винтовочной гранатой откидывается вверх специальный прицел, шарнирно укрепленный на газовой камере и служащий также краном, перекрывающим газоотвод, что предотвращает проход пороховых газов в газовую камеру и позволяет создать максимальное давление газов позади гранаты, не подвергая опасности детали автоматики винтовки. Мушкой служит верхний край гранаты, либо используется откидная прицельная планка самой гранаты (такие планки крепятся на стабилизаторах винтовочных гранат ряда бельгийских моделей). Из-за сильной отдачи при стрельбе гранатой приклад винтовки берется под мышку. Штатные оптические и ночные прицелы ставятся на винтовку по стандарту НАТО с помощью крепящегося на ствольную коробку кронштейна. Для стрельбы с оптическим или ночным прицелами рекомендуется использовать легкую съемную сошку, крепящуюся на ствол впереди газоотводного узла.

Неполная разборка штурмовой винтовки FNC

Каркас легкого складывающегося приклада, выполненного по типу укороченной винтовки FAL «Пара» (для парашютистов), образован двумя трубками из легкого сплава, плечевым упором и пластмассовой распоркой. Верхняя трубка приклада покрыта пластмассой для удобства работы с прикладом в холодном или же жарком климате. В сложенном положении приклад фиксируется так, что не мешает ни работе со спусковым крючком, ни движению рукоятки затворной рамы. Цевье винтовки состоит из двух симметричных перфорированных алюминиевых половин (ствольных накладок) с пластмассовыми накладками – обе половины фиксируются надетой на ствол впереди них пружинной защелкой. Пистолетная рукоятка – пластмассовая, пустотелая. Стандартная маркировка включает монограмму фирмы FN и надпись «FNC 5,56 [серийный номер]», отштампованные на левой стороне ствольной коробки.

Горловина приемника для магазина совмещена с корпусом УСМ и соответствует стандарту НАТО. Стальной магазин на 30 патронов взаимозаменяем с магазином американских винтовок M16A1/A2, любой из них может использоваться для винтовок семейств FNC и M16, а также для ручного пулемета «Миними». Патрон SS109, винтовка FNC и ручной пулемет «Миними» составили своего рода комплекс легкого автоматического оружия FN.

Бельгийская винтовка FNC снабжается штыком-ножом с трубчатой рукояткой, крепящейся прямо на пламегаситель, однако на ствол может устанавливаться специальный кронштейн для крепления американского штыка-ножа M7.

При неполной разборке FNC разделяется на: ствол со ствольной коробкой, газовой камерой и прицельными приспособлениями, газовую трубку, затворную раму со штоком газового поршня, затвор, рукоятку заряжания, возвратный механизм, корпус УСМ с пистолетной рукояткой и прикладом, правую и левую половины цевья. Как и у других винтовок фирмы FN, для извлечения подвижных частей винтовка «переламывается» на переднем шарнире. Чтобы их извлечь, нужно вынуть заднюю чеку вправо, «переломить» оружие, оттянуть рукоятку затворной рамы до отказа назад, поднять крышку окна ствольной коробки, отделить рукоятку от затворной рамы, извлечь назад из ствольной коробки сначала возвратный механизм, а затем

7,62-мм самозарядная винтовка L1A1 – британский вариант бельгийской винтовки FN FAL

и затворную раму с затвором. Инструменты для неполной разборки не требуются.

FNC привлекла к себе довольно широкий интерес, однако не получила столь широкого распространения, как FAL. После серии сравнительных испытаний в 1981 г. модификация FNC-80 была принята на вооружение в Швеции, которая приобрела лицензию на производство. Шведский вариант винтовки под обозначением AK5 выпускается с 1984 г. концерном FFV и имеет ряд отличий от бельгийского прототипа, соответствующих более жестким шведским требованиям к прочности и надежности оружия и возможности стрельбы в зимнем снаряжении. У нее шире цевье, для стрельбы в перчатках увеличена спусковая скоба, несколько изменены рукоятка заряжания и крышка выреза ствольной коробки, прицельные приспособления, флажок переводчика-предохранителя. В связи с использованием в патронах шведского выпуска другого сорта пороха усилены затвор, казенная часть ствола и курок. Режим стрельбы фиксированными очередями устранен. Положение флажка, соответствующее состоянию «предохранитель», обозначено «S», одиночный огонь (на шаг вперед-вниз) – «1», автоматический огонь (переднее положение) – «30». Наружные металлические поверхности и пластмассовые детали винтовки имеют темно-зеленую окраску. Масса винтовки АК-5 – 3,9 кг, длина с откинутым прикладом – 1008 мм, со сложенным прикладом – 753 мм, темп стрельбы – 650 выстр/мин, емкость магазина – 30 патронов.

Лицензию на производство оружия FNC приобрела и Индонезия. Здесь компания «Пиндад» под обозначением SS1-V1 выпускает штурмовую винтовку с длиной ствола 449 мм и складывающимся прикладом, SS1-V2 – карабин с длиной ствола 363 мм, SS1-V3 – винтовку с постоянным пластмассовым прикладом. При тех же длине ствола и общем сходстве патрона индонезийского производства с бельгийским SS109 объявленные начальные скорости пули несколько меньше, чем у бельгийских прототипов – 939 м/с для винтовки и 901 м/с для карабина. Видимо, это также связано с пороховым зарядом, применяемым в индонезийских патронах.

Для правоохранительных органов FN выпустила самозарядные модификации FNC моделей 6040 (под патрон типа M193) и 7030 (под патрон типа SS109). Они также нашли спрос – FNC 7030 закупалась, в частности, полицейскими службами и управлениями США.

Стоит заметить, что быстрое распространение 5,56-мм оружия не могло не сказаться и на судьбе винтовок FN FAL, еще остающихся в эксплуатации во всех частях мира. Так, в 1987 г. бразильская компания «Бразармз Индустриа э Комерцио» представила комплект деталей для переделки оружия семейства FAL под 5,56-мм патрон.

Порядок разряжания винтовки FNC

Отсоединить магазин, нажав его защелку (позади горловины приемника). Выключить предохранитель, переведя флажок вперед-вниз. Отвести назад рукоятку затворной рамы. Осмотреть патронник через окно ствольной коробки и убедиться в отсутствии в нем патрона. Отпустить рукоятку затворной рамы, нажать спусковой крючок.

Тактико-технические характеристики винтовки FNC

Патрон – 5,56х45 /M193 или SS109/
Масса оружия без патронов – 3,8 кг (укороченная – 3,45 кг)
Масса оружия с патронами – 4,36 кг (укороченная – 4,01 кг)
Длина оружия с откинутым прикладом – 997 мм (укороченная – 911мм)
Длина оружия со сложенным прикладом – 766 мм (укороченная – 666 мм)
Длина ствола – 449 мм (стандартный), 363 мм (укороченный)
Число нарезов – 6
Длина хода нарезов – 305 или 178 мм
Начальная скорость пули – 965 м/с /патрон M193/ или 915 м/с /SS 109/
Эффективная дальность стрельбы – 400 м
Темп стрельбы – 625-700 выстр/мин
Боевая скорострельность очередями – до 120 выстр/мин
Емкость магазина – 30 патронов

И «на-до-е-ло», и «на-бо-ле-ло»!

Читаю «Солдат удачи» с первых номеров, огромное спасибо за ваш труд! Своим письмом хочу прокомментировать великолепную статью «старшего лейтенанта его величества флота Российского» под названием «На-до-е-ло!», опубликованную в № 4 за 2005 г., так как сам служу на флоте с 1980 года. Последние три года, к сожалению, в так называемом «центральном аппарате».

Со статьей я согласен ПОЛНОСТЬЮ! Скажу в унисон – «НА-БО-ЛЕ-ЛО»!!! Пойдем по порядку согласно подзаголовкам этой статьи. Первый из них – «Мы – элита?» Действительно, какая элита?! Элитой в армии считаются те, кто с «лейтенантских миндалин» служат на флоте, «не вынимая себя из кабинета». Постойте у входа в здание в Б. (именно «Б») Козловском (надо же, как точно!) переулке или на Спартаковской. Посмотрите! Вот это – флотоводцы! Не хочу говорить огульно, там немало достойных людей, но воевавшие мне встречались нечасто...

Далее, по подзаголовкам – «Шинель» (автор пишет, что у него второй год нет шинели). С 2000 года я был вынужден покупать форму одежды за свои собственные деньги, кое-какая «мелочь» не в счет. Командованию не нравится та форма, в которой я прибыл из Чечни. Видимо, им требовалось, чтобы были перья на головном уборе и – как это? – ак-сель-бант!

Подзаголовок «Кушать подано!» (о питании военнослужащих). Посылаю вам фотографию обеда в одном соединении из тех, которые небезызвестный автор Виктор Суворов называет «дивизиями охраны вождей». Смотря на это (Минздрав предупреждает – питание в ВС опасно для вашего здоровья), хочется спросить у представителей продслужбы – куда остальное дели?!

Теперь о разделе статьи с подзаголовком «А деньги где?», в котором автор пишет о своем скудном денежном содержании и о том, что живет в бараке. Пишу вам 18 апреля, а я еще за март получку не получил. Не говоря уже про долг «боевых» за Чечню...

Кстати, в процессе анкетирования перед принятием закона о монетизации льгот на один из вопросов, где спрашивалось, что бы вы выбрали – сохранение льгот или повышение денежного довольствия, я ответил – и то и другое!

Посылаю фото того помещения, где я, по мнению командования, должен жить с женой и ребенком...

Хотите, я вас развеселю? Представьте, что дежурный по полку, бросив все, переодевается в «гражданку» и уходит... куда бы вы думали? Нет! Он уходит из расположения полка... выгуливать собачку! Солдаты напиваются...

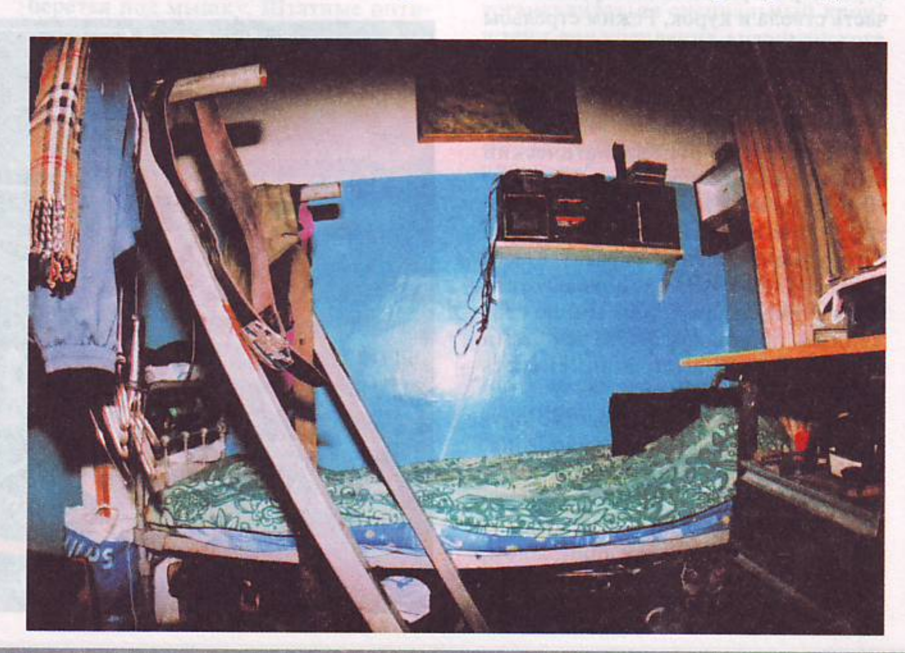
Знаете, что в финале ему за это было? Его перевели для дальнейшего прохождения службы на инспекторскую должность в центральный аппарат ВВС-ПВО, он теперь уполномочен прибывать с проверками в гарнизоны. Но что он там проверит?! Он ни-когда в авиации не служил...

Теперь про другого «орла»... Был назначен на должность, приравненную к «командиру отдельного батальона» (подполковник). Имущество, технику в течение года так и не принял, переведен для дальнейшего прохождения службы на преподавательскую должность... Вот так «закалялась сталь»!

Теперь – «Итог». Я, как и автор статьи, офицер в третьем поколении. Мой дед служил офицером на крейсере «Аскольд», отец прошел всю войну. Что примечательно в отношении к ветеранам, последнюю награду отцу вернули в 1976 году. Именно «вернули», ведь в этой стране в лучшем случае возвращают, но ничего не дают или почти... ничего.

Из двадцати офицеров, воевавших со мной в Чечне, только один впоследствии получил реальное повышение в должности (бесплатно), остальным предложили после Чечни должности с понижением или в лучшем случае равнозначные. К этому могу добавить, что боевые награды среди моих сослуживцев получали только посмертно...

Вынужден подписаться псевдонимом: «дважды майор» Сергей Гунин.

Английский клон

Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ
Фото из архива авторов

«Дочка» САС – австралийский спецназ

Силы специальных операций (ССО) Австралии в современном их понимании начали создаваться в 60-х годах прошлого столетия по образу и подобию английских ССО. Первым крупным подразделением стал полк специальных операций, полностью сформированный в 1957 году и получивший обозначение полк SAS (SASR – Special Air Service Regiment) аналогично английским полкам Специальной авиационной службы. В 1992 году в 4-м полку армии был сформирован батальон командос. Через 7 лет весь полк был переформирован в 4-й полк командос ССО (4 RAR – Royal Australian Regiment Commando).

В последние годы в силах специальных операций Австралии произошли изменения, существенно увеличившие их численность и боевые возможности. В 1999 году на базе 1-го полка резерва армии был сформирован 1-й полк командос (1 RAR) резерва ССО. После террористического акта 11 сентября 2001 года в США один из батальонов 4-го полка командос был специально перенацелен на противотеррористические операции (ПТО) на всей территории Австралии. В дальнейшем, для того чтобы уменьшить отвлечение сил полка SAS от его основных задач, были созданы две специальные противотеррористические группы (ПТГ), получившие название «Тактические боевые группы» (TAG – Tactical Assault Groups), одна из которых (TAG-West) была сформирована при полку SAS. Она предназначена для проведения операций в Западной Австралии. Другая была создана при 4-м полку командос ССО (TAG-East) – для проведения противотеррористических действий в Восточной Австралии.

В мае 2003 года командование специальных операций (КСО) получило статус наравне с командованиями армии, ВВС и ВМС. В настоящее время в состав КСО Австралии входят:

- штаб КСО (Канберра);
- полк SAS (Сидней);
- 4-й полк командос (Сидней);
- 1-й полк командос резерва (Мосмен, Уильямтаун);
- полк ССО быстрого реагирования при чрезвычайных ситуациях (Сидней);
- две ПТГ;
- рота обслуживания и боевой поддержки.

Кроме того, к ССО относятся не подчиненные непосредственно КСО Австралии:

- регулярные и резервный отряды подводного разминирования – ОПР (CDT – Clearance Diving Team) ВМС;
- 2-й разведывательный полк армии (RAR);

■ авиаэскадрилья «С» (12 модифицированных транспортных вертолетов CH-47D «Блэк Хоук» 5-го авиаполка ВВС).

Численность личного состава КСО в настоящее время составляет 1.800 человек (из них 300 человек в полку ССО быстрого реагирования).

Несмотря на то, что основные задачи, возлагаемые на различные части сил специальных операций, отличаются друг от друга, они в то же время часто пересекаются, и подготовка личного состава во многом направлена на отработку одних и тех же практических навыков. Об этом, в частности, свидетельствуют задачи, стоящие перед этими частями (см. таблицу).

Схожесть отрабатываемых задач и навыков личного состава различных частей ССО обеспечивает в случае необходимости их взаимозаменяемость и эффективное взаимодействие. Например, в апреле 2003 года объединенная команда разведчиков-диверсантов SAS и ПТГ после неоднократных неудачных попыток полиции и таможенной службы провести досмотр корейского судна, доставлявшего в Австралию наркотики, захватила его в море на ходу, высадившись на палубу с вертолета и надувного катера «Зодиак». Судно было препровождено в порт, где полиция выгрузила с него 50 кг героина.

Отбор личного состава для службы в полку SAS и полках командос очень строгий и во многом аналогичен. Обычно принимаются уже опытные военнослужащие армии, ВВС и ВМС. Хотя основной отбор желающих производится из пехотинцев, кандидатами могут быть солдаты подразделений обороны аэродромов ВВС, а также водолазы-минеры ОПР ВМС.

Для того, чтобы достичь требуемого высокого стандарта, предъявляемого к кандидатам, желающие готовят себя в течение многих недель, а большинство – нескольких месяцев или даже лет. В этих целях армией разработан специальный режим продолжительностью до 13 недель, в ходе которого опытные инструкторы оценивают потенциальные возможности желающих и сразу же отсеивают непригодных. Проверяются готовность действовать в составе группы и одиночно, физические и умственные способности, абстрактное мышление, самодисциплина, все аспекты фактического пехотного мастерства, желание учиться и стремление к успеху. В результате тестов отсеиваются более 95% желающих. Так, например, из 800 добровольцев, изъявивших желание служить в частях ССО, успешно проходят режим подготовки в среднем лишь 42 человека.

Отрабатываемые задачи и навыки	Полк SAS	Полк командос	Отряд подводного разминирования
Скрытное проникновение в тыл противника по воздуху, воде, суше	+	+	+
Прямые боевые действия в тылу противника	+	+	+
Скрытное ведение разведки в тылу противника	+	+	+
Сбор и обработка разведывательной информации	+	+	+
Возможность использования в длительных операциях в море и в воздухе	+	+	+
Боевые подводные погружения	+	–	+
Участие в необычных военных действиях	+	–	–
Боевые действия в населенных пунктах	+	+	–
Участие в морских десантных операциях	–	+	+
Боевой поиск и спасение экипажей сбитой в тылу противника авиации	–	+	–
Участие в противотеррористических операциях	+	+	+
Участие в силах быстрого реагирования	–	+	–
Скрытная установка диверсионных мин и взрывных устройств	+	+	+
Скрытный поиск и уничтожение морских и береговых мин и заграждений	–	–	+
Скрытное гидрографическое обследование районов высадки морского десанта и гаваней	–	–	+
Поиск и уничтожение взрывных устройств в воде и на берегу	–	–	+
Разоружение всех взрывных устройств, установленных боевыми пловцами противника на кораблях и морских сооружениях	–	–	+
Подготовка иностранных военных специалистов и участие в международных оборонительных мероприятиях	+	+	+
Участие в гуманитарных операциях	+	+	–

Отряд подводного разминирования

Полк командос

Бойцы из полка САС

также наиболее элитной частью ССО Австралии. Основные его задачи – специальная разведка и специальная война, а также обучение рейнджеров развивающихся стран. Структурно полк почти аналогичен английским полкам SAS, о которых уже рассказывалось в нашем журнале. Он дислоцируется в Сванборне около г. Перт (Западная Австралия) и включает в себя базу полка и три боевые эскадрильи. База полка располагает учебным комплексом.

Для службы в полку в ходе отборочного курса разведчиков-диверсантов кандидат должен показать свои возможности: плавать в теплой и холодной воде до состояния экстремального истощения, пробежать 14,4 км за 90 минут и совершить марш-бросок на 32,5 км за 4 часа в полном снаряжении для решения задач самостоятельно или в составе группы. Проверяется способность ориентироваться на местности без карт и компаса. Задачи выполняются с минимальными потерями времени на отдых – 4 часа на 4 дня. Во время этого отборочного курса для проверки настойчивости и устойчивости испытуемого инструкторы делают все возможное для того, чтобы кандидат почувствовал неуверенность в своих силах и отказался от дальнейших испытаний. В конце курса кандидату объявляют, что он якобы не выдержал испытаний, и смотрят на его реакцию, оценивают его намерения действовать дальше. Подобные испытания проходят успешно в среднем только около 27% кандидатов. 39% прошедших курс от числа кандидатов считается отличным результатом.

После отборочного кандидаты проходят сначала 5-недельный «кадровый» курс, в ходе которого ознакамливаются со всеми аспектами деятельности личного состава полка SAS, а потом – 4-недельный курс патрулирования. Затем следуют 3-недельный курс парашютной подготовки в армейской парашютной школе в Новра (Новый Южный Уэльс) и курсы подготовки по связи, подрывному делу и оказанию медицинской помощи. После этого кандидаты проходят интенсивный специализированный курс тренировок, включающий боевые действия, навыки следопытов, плавание, высадку и подъем на вертолеты с помощью тросов, парашютные прыжки, патрулирование на легких боевых машинах. По окончании этих тренировок личному составу присваивается статус разведчиков-диверсантов, вручаются береты SAS песочного цвета и знаки «крылья SAS» (SAS Wings), и они направляются в боевые эскадрильи полка «Сейбе»,

Оставшихся перспективных кандидатов ждут две строгие проверки. Вначале они проходят так называемый вступительный тест (SFET – Special Forces Entry Test), продолжающийся 2-3 дня, в ходе которого подвергаются жесткому прессингу, имея немного времени на сон. Прошедшие тест попадают на отборочную комиссию, которая и принимает решение об их готовности стать рейнджерами. После этого кандидаты в разведчики-диверсанты полка SAS направляются на отборочные курсы полка в учебный комплекс в Сванборн (Западная Австралия), а командос – на отборочные курсы командос. Кроме учебного комплекса в базе SAS в Сванборне, подразделения SAS используют учебный район Биндун и аэродром Джин-Джин (Западная Австралия).

Полк специальных операций SAS (SASR) является самой старой, более всех известной и подготовленной, а

■ Боец полка быстрого реагирования на захваченном складе боеприпасов террористов (в центре)

■ Высадка солдат САС на тросах (справа)

■ Солдаты САС на надувной лодке идут на перехват судна наркоторговцев (внизу)

где продолжают совершенствовать свое мастерство. Только после многих месяцев тренировок в боевой эскадрилье личный состав считается подготовленным к участию в противотеррористических операциях.

На вооружении разведчиков-диверсантов полка SAS, как и всех частей ССО, находится широкий ассортимент оружия:

■ 5,56-мм автоматические винтовки «Steyr 5» (выпускаются в Австралии по австрийской лицензии), которые заменяют серию 7,62-мм винтовок;

■ более современный вариант винтовки М-16 (М-4);

■ серия оружия немецкой фирмы HK, а также фирмы SIG Sayer;

■ 9-мм Browning;

■ 7,62-мм Galil;

■ 7,62-мм пулеметы M60, Bren L4, FN MAG, 5,56-мм F89 (Minimi), 12,7-мм M2HB;

■ 40-мм гранатометы M79, M203;

■ 84-мм ПТУР «Карл Густав» и др.

Для передвижения по воде используются надувные катера «Зодиак», каноэ «Клеппер», а для движения по суше – легкие боевые машины на шасси «Перенти» (6х6), являющиеся местной моделью «Лэнд Ровер» с модифицированным кузовом, приспособленным для размещения экипажа из 3 человек со снаряжением и запасами, рассчитанными на длительные и удаленные операции. На машине имеется оружейная платформа, на которой могут устанавливаться 5,56/7,62-мм пулеметы и задняя подвеска для 7,62-мм пулемета. Возможна установка 12,7-мм пулемета с боезапасом в 400 патронов. На машине также может размещаться мотоцикл, который используется во взаимодействии с машиной. Подписан контракт на закупку 55 легких боевых машин «Мерседес-Бенц» Unimog и 2450 L (6х6). Для действий в пустыне предусмотрено также использование верблюдов.

Для доставки в район боевого применения по воздуху используется авиация ВВС – самолеты С-130 «Геркулес» и DHC-4A «Карибу» с высадкой на парашютах и вертолеты CH-47D «Чинук» и UH-1 «Ирокез» с высадкой на тросах, а также авиация армии – самолеты GAF «Номадс», PC-6 «Портерс» и вертолеты OH-58 «Кайова».

(Продолжение следует)

